

**УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ЭСТОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

КАТРИН КАРУ

ТАРТУ 2006

Отделение русской и славянской филологии Тартуского университета,
Тарту, Эстония

Научный руководитель: профессор, кандидат филологических наук
И. П. Кюльмоя

Диссертация допущена к защите на соискание научной степени доктора
философии по русскому языку 4 декабря 2006 г. Советом отделения
русской и славянской филологии Тартуского университета

Рецензент: профессор, кандидат филологических наук, PhD Хелле
Метсланг (Хельсинкский университет)

Оппоненты: профессор, кандидат филологических наук, PhD Хелле
Метсланг (Хельсинкский университет)
доцент, кандидат филологических наук Е. И. Костанди
(Тартуский университет)

Защита состоится 29 декабря 2006 г.

Издание диссертации осуществлено при поддержке Европейского Союза

ISSN 1406–0809
ISBN 9949–11–505–1 (trükis)
ISBN 9949–11–506–X (PDF)

Autoriõigus Katrin Karu, 2006

Tartu Ülikooli Kirjastus
www.tyk.ee
Tellimus nr. 669

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список публикаций, включенных в диссертацию.....	6
Часть I	
Введение	9
1. Уступительные конструкции как объект лингвистического описания	11
1.1. О термине <i>уступительное значение</i>	12
2. Об изучении уступительных отношений	13
2.1. О генезисе уступительных отношений	15
2.2. О связи уступительных отношений с причинными	17
2.3. Классификация условно-уступительных конструкций М. Хаспельмата и Э. Кёнига	22
2.4. Об описании уступительности в работах Московской семантической школы	23
2.5. Изучение уступительности в работах Петербургской типологической школы	28
2.5.1. Характеристика теоретической базы описания уступительных конструкций.....	31
2.6. Уступительность и противительность	34
3. О контрастивном или сопоставительном подходе в языкознании ...	39
3.1. Сопоставительные исследования эстонского и русского языков	41
3.2. Сопоставительное изучение уступительных конструкций.....	42
3.3. Концепт ‘уступительное значение’ как основа сопоставительного исследования.....	46
4. Основные результаты исследования	47
Заключение.....	58
Литература.....	60
Принятые сокращения.....	65
Kokkuvõte.....	66
Часть II	
Публикации, включенные в диссертацию.....	75
Использованная в диссертации литература	237
Curriculum vitae	247
Elulookirjeldus.....	248

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ДИССЕРТАЦИЮ

Публикации, вошедшие в предлагаемый ниже список, составляют вторую часть данного издания. Отсылки к ним в тексте диссертации оформлены следующим образом: от [П1] до [П9].

- [П1] К. Кару. И. П. Кюльмоя. Уступительные конструкции в эстонском языке. *Типология уступительных конструкций*. Под ред. В. С. Храковского. Глава 7. СПб, 2004: Наука. С. 259–313.
- [П2] К. Кару. Сколько же уступительных союзов в эстонском языке? К постановке проблемы. *Русская филология*. 12. Тарту, 2001: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 156–164.
- [П3] К. Кару. О специфике отношений уступительности в рамках ФСП обусловленности (на примере русского и эстонского языков). *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц*. Тарту, 2006: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 116–129.
- [П4] К. Кару. О возможностях семантической классификации уступительных конструкций (на материале русского и эстонского языков). *Русская филология*. 11. Тарту, 2000: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 172–181.
- [П5] К. Кару. Семантика и прагматика некоторых эстонских уступительных конструкций и их соответствия в русском языке. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. Языковые функции: семантика, синтактика, прагматика*. Тарту, 2003: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 49–61.
- [П6] К. Кару. Уступительные конструкции, оформленные союзами *хотя* и *хотя...но* и их эстонские эквиваленты. *Язык и культура. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии*. Вып. 2. Т. II. Киев, 2000: Издательский Дом Дмитрия Бурого. С. 104–113.
- [П7] K. Karu. Ühest mõõndlause alaliigist eesti ja vene keeles. *Toimiv keel II. Töid rakenduslingvistika alalt*. Koost. Helle Metslang. Toim. Maria-Maren Sepper, Jane Lepasaar. Tallinn, 2004: TPÜ Kirjastus. Lk. 175–184.
- [П8] K. Karu. Mitmetähenduslikud mõõndlused eesti ja vene keeles. *Emakeel ja teised keeled IV*. Tartu, 2004: Tartu Ülikooli Kirjastus. Lk. 55–63.
- [П9] K. Karu. Mõõnduse väljendamisest ühes lihtlause tüübis. *Emakeel ja teised keeled V*. (trükkis).

ЧАСТЬ I

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено описанию уступительных конструкций в эстонском и русском языках. Целью исследования было выявить основные типы конструкций, которые в эстонском языке могут выражать уступительную семантику, и найти их функциональные эквиваленты в русском языке. Для этого было необходимо решить следующие общие и частные задачи: 1) определить понятие уступительных конструкций, являющихся объектом исследования; 2) проанализировать и при необходимости уточнить классификацию уступительных предложений, принятую в эстонской грамматике; 3) сопоставить классификацию эстонских уступительных предложений с имеющимися в русистике определениями и классификациями уступительности; 4) на основе сопоставления и анализа разработать классификацию уступительных конструкций, которая соответствовала бы требованиям сопоставительного анализа разноструктурных языков и ономаσιологическому подходу, принятому в исследовании.

Для реализации перечисленных целей, общих и частных задач следовало выявить центральные, прототипические, а также периферийные, непрототипические, уступительные конструкции в эстонском языке. Так как в любой уступительной конструкции взаимодействуют две ситуации, то естественно было предположить, что прототипической уступительной конструкцией является бипредикативная единица, а именно сложноподчиненное предложение с придаточной частью, вводимой уступительным союзом. Из этого предположения следовали следующие более частные задачи — выявить возможности линейного расположения частей конструкции, обнаружить возможные и запрещенные комбинации временных форм финитного глагола главной и зависимой части, проследить таксисные отношения в уступительных конструкциях а также определить прагматические особенности взаиморасположения частей конструкции. Еще одной задачей было выявление союзных средств, функционирующих в уступительной конструкции, а также обнаружение релевантных для эстонского языка семантических типов уступительных конструкций и способов их формальной репрезентации в сопоставлении с русским языком.

Термин *уступительная конструкция* не идентичен термину *уступительное предложение*. Под уступительным предложением в русистике понимается сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным, в эстонской грамматике — придаточная часть сложного предложения. Термин *уступительная конструкция* в эстонской грамматической традиции не принят. Уступительной конструкции, независимо от ее формально-синтаксической репрезентации, можно дать следующее толкова-

ние: имеет место ситуация Р и связанная с ней ситуация Q; говорящий знает или считает, что нормально существование ситуации типа Р препятствует существованию ситуации типа Q и они не совмещаются друг с другом.

Поскольку в толкование уступительной конструкции не входит уточнение ее формально-синтаксической репрезентации, то нашей задачей было выявление типов предложений, в которых в эстонском языке выражается уступительная семантика, и сопоставление их с русским языком.

Предварительный анализ материала позволил предположить, что в эстонском языке, так же, как и в русском, существуют, кроме собственно уступительных, также условно-уступительные и генерализованные, или универсальные, уступительные конструкции. Выявление их формальных особенностей также входило в задачи данного исследования.

Уступительные конструкции давно привлекали и продолжают привлекать к себе внимание лингвистов разных направлений и школ. Данная работа представляет собой результат исследований, представленный в статьях, написанных в разное время и посвященных изучению уступительных конструкций в эстонском и русском языках. В русистике этот вопрос достаточно подробно разработан, некоторые уступительные слова и конструкции описаны весьма детально [см., напр., Богомолова 1955; Шведова 1960, 1980; Шмелев 1960; Васильева 1972; Апресян 1974; Николаева 1985; Ляпон 1986; Теремова 1986, 1987; Паршин 1988; Санников 1989; Евтюхин 1996, 1997; Фужерон 1998; Корди 1999; Николаева, Фужерон 1999; Апресян 1999, 2000, 2003, 2004, 2005; Храковский 1998б, 1999а, 1999б, 2004; Мальчуков 2004; Урысон 2002, 2003, 2005, 2006], в эстонской же грамматике ему до сих пор было уделено значительно меньше внимания [см., напр., Karelson 1978; Rannut 1978; EKG 1993; Koks 2004].

В данном исследовании упор сделан, с одной стороны, на описание уступительных конструкций в эстонском языке, поскольку последовательного и системного их описания до недавнего времени не существовало, с другой, — на сопоставительный аспект их изучения. Такой подход определил и структуру работы. Работа состоит из вводной, теоретической и обобщающей, части (Часть I), делящейся на параграфы, и из основной части (Часть II), представленной публикациями (глава 7 коллективной монографии «Типология уступительных конструкций» [П1] и ряд статей) и списком использованной во всей работе литературы.

В Части I дается обзор точек зрения на проблему описания уступительных слов и предложений, анализируется связь между уступительным и противительным значением, существующие в современной лингвистике сопоставительные подходы к описанию языков, кратко характеризуются русско-эстонские сопоставительные исследования. На основании анализа различных точек зрения на уступительные отношения в общетеоретических и сопоставительных работах приводится целесообразное для данного

исследования определение концепта 'уступительное значение'. Далее следует краткое описание результатов исследований, составляющих основную часть (Часть II) диссертации, а также резюме диссертации на эстонском языке. В конце Части I дается список цитированной здесь литературы.

Вторую часть открывает глава коллективной монографии, посвященная описанию уступительных конструкций в эстонском языке, написанная в соавторстве с И. П. Кюльмоя (ею написана вводная часть, в которой характеризуется грамматическая система эстонского языка). Затем следует попытка исчисления эстонских уступительных союзов, далее — статьи, посвященные сопоставлению разных типов уступительных конструкций — как прототипических, так и непрототипических — в русском и эстонском языках. При этом описываются основные проблемы, связанные с выражением уступительности в эстонском и русском языках. Некоторые периферийные уступительные конструкции (немногочисленные простые предложения) остались за рамками данного исследования в силу уже имеющихся подробных описаний, другие лишь затронуты здесь в силу специфических формальных и семантических особенностей, которые должны стать объектом специального изучения (генерализованные уступительные конструкции).

Материалом для данного исследования послужили тексты современной художественной литературы, публицистики, сделанные автором записи разговорной речи, словари. Некоторые примеры были заимствованы из других лингвистических работ, что отмечено соответствующей ссылкой в каждом конкретном случае.

1. Уступительные конструкции как объект лингвистического описания

Уступительные конструкции представляют собой так называемые имплицативные конструкции, которые активно изучаются как в русистике, так и в западной лингвистике. В. И. Подлеская дает следующее их определение: «Имплицативные конструкции вводят два положения дел, таких, что одно положение дел сопровождается другим или приводит к нему» [Подлеская 1995: 77]. Таким образом, к имплицативным относится целый ряд бипредикативных конструкций и, в частности, таких, которые в русистике принято называть конструкциями обусловленности. К ним относятся, кроме уступительных, также конструкции, выражающие отношения причины, следствия, условия и цели. С условными и причинными конструкциями уступительные конструкции связаны как семантически, так и деривационно.

В. С. Храковский, рассматривая место уступительных предложений в системе имплицативных конструкций, пишет, в частности, об общих принципах устройства мира, отражающих восприятие мира человеком. В соответствии с этими принципами то или иное развитие ситуаций, смена одних ситуаций другими, сосуществование ситуаций, когда они выражаются в языке, оценивается с позиции ожидания говорящего либо как закономерные, отражающие «естественный» ход событий, либо как незаконномерные, отражающие «неестественный» ход событий, который вызван какими-то причинами, мешающими естественному ходу событий. Представления как о нормальном, так и о ненормальном ходе событий закреплены в языке (ср. [Санников 1989]), который «настроен» на воспринимающего субъекта, и в равной мере отражаются во всех конкретных языках с помощью определенных синтаксических конструкций [Храковский 1998: 79]. Так, в системе имплицативных конструкций естественное с точки зрения наивной логики¹ сосуществование событий выражается в причинных и условных конструкциях, а неестественное — в уступительных и условно-уступительных.

1.1. О термине *уступительное значение*

Как отмечает В. Ю. Апресян, уступительное значение не относится к числу базовых языковых значений, подобно значениям причины, условия, времени и под., семантически оно значительно богаче [Апресян 1999: 24]. Уступительное значение сложно для изучения еще и потому, что «‘уступка’ в отличие от ‘причины’, ‘времени’, ‘степени’, ‘условия’ и т.п., не входит в качестве семантического компонента в значения объединяемых ею слов. Это всего лишь метаслово, удобное для того, чтобы выделить некоторую группу слов для рассмотрения, но не пригодное для их толкования (разрядка автора)» [там же]. С этим утверждением трудно не согласиться, поэтому толкование значений уступительных слов и конструкций представляется достаточно сложным. К похожему заключению приходит и Е. В. Урысон, которая считает, что грамматический термин *уступительное значение* «коренным образом отличается от, казалось бы, аналогичных терминов типа „целевое значение (предложение)“, „причинное значение (предложение)“, „временное значение (предложение)“ и под.» [Урысон

¹ Ср. замечание М. А. Шелякина: «Семантическая система языка, за исключением ее терминологической лексики, отражает в лексических значениях не научную картину мира, а обычное представление о нем носителей языка. <...> В последнее время отражение в семантической системе внеязыкового мира стали называть «наивной картиной мира». Но следует иметь в виду, что не во всех случаях языковая картина мира столь наивна, чтобы ей не доверять, и исторически она предшествует научной картине мира» [Шелякин 2002: 123–124].

2002: 36]. Действительно, слово *условный* указывает на значение условия, слово *причинный* — на значение причины и т.д. Таким образом, охарактеризовав какое-либо слово или предложение, например, как причинное, исследователь утверждает, что в его семантику входит значение причины. Очевидно, что термин *уступительный* тоже указывает на некое значение, однако это слово «не называет это значение напрямую, а является лишь его общепринятой меткой, неким условным ярлыком. Когда говорят, что какое-то слово или предложение выражает значение уступительности, то само это значение остается неэксплицированным (разрядка моя — К. К.)» [там же].

Для того чтобы решить, какие компоненты русского слова *уступка* входят в языковой концепт ‘уступительное значение’ требуется нетривиальный анализ. Следует отметить, что аналогичная ситуация наблюдается и в эстонском языке: эстонское слово *mõõndus* (уступка) также является «метасловом», используемым в грамматике для обозначения некоего языкового значения и не называющее это значение непосредственно. Проблемы описания уступительного значения могут, таким образом, быть в определенной степени связаны с «непрозрачностью» самого данного термина [Урысон 2002: 36].

О терминологических проблемах, связанных с обозначением концепта уступительности в англистике, пишут также Э. Кёниг и П. Симунд. По их мнению, то обстоятельство, что вместо термина *concessive* нередко употребляются термины *incasual*, *anticause*, *inoperant cause* свидетельствует об интуитивном представлении исследователей о том, что в основе уступительных отношений лежит концепт каузальности². „There is a clear intuition that concessive clauses and complex sentences with such clauses are rarely, if ever, used for the speech act or speech activity of conceding and that they should rather be analysed as standing in opposition to causal constructions. As a consequence, it has often been suggested that the term “concessive” is really a misnomer and that labels like the following would be much appropriate: “incasual”, “inoperant cause”, “anticause”, “cause contraire”, “condition contraire”, etc.” [König, Siemund 2000: 343].

2. Об изучении уступительных отношений

Вопрос о генезисе сложноподчиненных структур, выражающих уступительные отношения, рассматривался в работах таких исследователей как Б. В. Лавров, Я. А. Спринчак, Н. Ф. Павлюченкова и других. Так, Б. В. Лавров считает, что уступительные предложения возникли из бессоюзных конструкций со значением обусловленности [Лавров 1941: 118]. Я. А. Спринчак полагает, что уступительные отношения могли появиться

² Об этом подробнее см. ниже.

и оформиться на базе причинных и условных отношений [Спринчак 1964: 90]. Доказательством тому служит прежде всего сложная семантика самих уступительных конструкций (УСК)³. В подчинительной предикативной части выражается условие или причина, противоположные тем, которые вызвали следствие, представленное в главной предикативной части. На лицо общие подчинительные отношения обусловленности, которые конкретизируются в условно-следственной или причинно-следственной противопоставленности при определяющем значении препятствующего условия или причины [Павлюченкова 1990: 86].

По вопросу о развитии уступительных конструкций единого мнения нет. Так, например, авторы «Исторической грамматики» считают, что «структура сложноподчиненного уступительного предложения за период с XI–XVII вв. не претерпела каких-либо существенных изменений» [Историческая грамматика 1979: 267]. По мнению В. Л. Георгиевой, развитие уступительных конструкций в древнерусский и старорусский периоды связано с формированием состава уступительных подчинительных союзов и устранением сочинительных присоединительных союзов [Георгиева 1968: 147]. А. Н. Стеценко связывает их развитие с изменением функций союзов [Стеценко 1977: 233]. Н. Ф. Павлюченкова считает, что к началу национального периода в развитии русского языка, то есть к XVII веку, «в недрах сложных синтаксических целых (ССЦ), построенных по принципу цепочечного нанизывания, в основном сформировались и функционируют наряду с другими типами простых и сложных конструкций уступительные сложноподчиненные конструкции, где союзы *и, а, но, да, ино, однако* и др. выполняли не только функцию нанизывания в ССЦ, но и выражали противительные отношения в составе уступительных конструкций, усиливая значение уступительности» [Павлюченкова 1990: 86–87]. К началу XIX века в составе уступительных конструкций почти полностью исчезли присоединительные союзы, что свидетельствует о вполне сформировавшемся типе сложноподчиненных конструкций [там же: 88]. Таким образом, становится очевидным, что УСК появляются в языке относительно поздно.

При этом в ряде работ обоснованно утверждается, что в круг конструкций, с которыми УСК наиболее тесно связаны как по форме, так и по смыслу, а также по происхождению, входят имплицативные (причинные и условные), а также временные и противительные конструкции [König 1986, 1991; Николаева, Фужерон 1999, Heine, Kuteva 2002]⁴. Вместе с тем

³ Здесь и далее см. список принятых в работе сокращений на стр. 65

⁴ Далее мы постараемся очертить круг проблем в изучении уступительных отношений, привлекая работы как западных исследователей, так и российских лингвистов. Такой подход представляется нужным, поскольку, как правило, исследователи уступительных отношений ограничиваются описанием отечественной традиции, не ссылаясь на работы других направлений и школ. От-

УСК, а особенно условно-уступительные конструкции (УУК) обычно формируются на базе условных конструкций, а «в филогенезе и в онтогенезе появляются непосредственно после условных конструкций» [Храковский 2004: 3].

2.1. О генезисе уступительных отношений

Б. Хейне и Т. Кутева связывают возникновение УСК с цепочкой грамматикализации, в которой развитие происходит в направлении ‘время’ → ‘условие’, ‘время’ → ‘уступка’, ‘условие’ → ‘уступка’ [Heine, Kuteva 2002: 319, 326]. Примеры того, что условные конструкции являются дериватами временных и переходят в процессе дальнейшего развития в уступительные, можно найти во многих языках мира (см. напр., König 1988). В работах [König 1988; 1991] используются данные семидесяти языков мира (в число которых входят как русский, так и эстонский), демонстрирующие историческое развитие некоторых уступительных союзов из условных и причинных, а также синхронную полисемию такого рода. Предложена классификация, включающая пять групп уступительных союзов (подробно об этом см. [König 1988]).

В первую группу входят союзы, семантика которых восходит к концептам, обозначающим человеческие чувства и эмоции, таким как ‘упрямство’, ‘злость’, ‘презрение’ и под: *in spite of, despite, trotz, trotzdem, huolimatta, hoolimata, несмотря на*.

Ко второй группе принадлежат служебные слова, в которых в качестве одного из компонентов встречаются универсальные кванторы (*все*) или операторы свободного выбора (свободно-альтернативные кванторы, такие как *кто-нибудь, какой-нибудь, любой*): „Concessive connectives in many languages contain a component that is also used as a free-choice quantifier (like *-ever, any*) or as a universal quantifier (like *all*)” [König 1988: 153]. Примеры: *albeit, however, anyway, for all, all the same, however, bei all, allerdings, vaikka, vaikka kuka, kuka, все-таки*. Э. Кёниг отмечает, что уступительные слова этой группы встречаются во многих языках и являются, таким образом, весьма распространенными [König 1991: 193].

Базовым компонентом третьей группы является условный или временной союз, сочетающийся с эмфатической фокусной частицей. Это, по мнению Э. Кёнига, наиболее часто встречающийся способ маркировки услов-

ссылки к некоторым западным источникам можно найти в работе [Типология 2004], а также в работах В. Ю. Апресян и Е. В. Урысон. В работах Х. Кокс, напротив, не учитываются исследования российских лингвистов. Поэтому мы постараемся отчасти восполнить этот пробел. Более полный список работ, посвященных изучению уступительных отношений см. в разделе *Использованная в диссертации литература*.

но-уступительных отношений в языках мира [там же]: *even so, even though, wenggleich,, obschon, obwohl, joskin, isegi kui, даже если*.

В четвертую группу входят союзы, образованные в результате грамматикализации выражений, обозначающих уверенность, истинность, правдивость и под. Напр., нем. союз *zwar* является дериватом выражения *es ist wahr* 'это верно' (пример из [König 1991]). Э. Кёниг отмечает, что при употреблении союзов этой группы главная часть уступительного предложения часто вводится противительными союзами типа *but* (*но, однако*). По-видимому, к русскому языку применима аналогичная трансформация: *это правда* → *правда*. Можно было бы предположить, что эстонское слово *tõsi* тоже попадает под аналогичную трансформацию: *see on tõsi* → *tõsi*, однако оно функционирует как вводное слово, а не как уступительный союз. Таким образом, несмотря на кажущееся сходство, *tõsi* в рассматриваемую группу не входит, так как функционально отличается от других ее составляющих.

И, наконец, союзы пятой группы своей внутренней формой указывают на реальное сосуществование двух пропозиций: *nevertheless, all the same, while, regardless, zugleich, vaatamata, несмотря*.

Очевидно, что границы между выделенными группами не являются жесткими. Даже иллюстрирующие примеры, приводимые в работах [König 1988, 1991], позволяют сделать вывод, что многие уступительные слова могут быть отнесены к нескольким группам. Однако результаты этих работ представляются важными с точки зрения типологии средств выражения уступительности в разных языках мира.

Интересные наблюдения по поводу развития УСК в процессе грамматикализации по схеме, предложенной в [Heine, Kuteva 2002], были высказаны в докладе Х. Кокс, прочитанном на семинаре в Тарту 3 ноября 2006 г. Так, в частности, известно, что в эстонском языке для выражения временных и условных отношений используется один и тот же союз *kui*. По мнению Х. Кокс, переход от темпоральности к кондициональности может быть обусловлен тем, что условие по времени предшествует следствию⁵. В ее докладе были рассмотрены переходные случаи, в которых контекст не всегда позволяет однозначно определить, какой именно тип отношений — временные или условные — маркируются союзом *kui*. В работе [Кюльмоя 1998] было показано, что «различие между временными и условными предложениями с союзом *kui* получает формальное выражение лишь в случаях употребления формы претерита кондиционала для выражения ирреального условия или при наличии во временных предложениях конкретизирующих местоименных наречий, образующих составной союз типа

⁵ В лингвистике высказывалась точка зрения, согласно которой в условные переходят в первую очередь такие временные конструкции, в которых выражаются отношения следования или одновременности событий [Kortmann 1997].

siis kui. Во всех прочих случаях различие между временными и условными высказываниями опирается лишь на семантику — лексическое наполнение и контекст, в котором омонимия, как правило, разрешается» (выделено мною — К. К.) [Кюльмоя 1988: 359].

Далее в докладе Х. Кокс рассматривались случаи перехода условных конструкций в уступительные⁶, между которыми как семантически, так и деривационно расположены условно-уступительные конструкции. В докладе было показано, что в процессе грамматикализации от временного значения к уступительному не всегда присутствуют все обозначенные выше звенья [Koks 2006].

Сходная мысль была высказана в работе [Kortmann 1997]: „a) causal constructions *presuppose* conditionals; b) conditionals *can be elaborated, enriched to* concessive conditionals; c) concessive conditionals *may change into* concessives (выделено автором)” [Kortmann 1997: 197 и след.].

Таким образом, можно констатировать, что в лингвистике существуют разные точки зрения на пути развития уступительных отношений. Это, по видимому, может быть обусловлено тем, что сами уступительные отношения обладают сложной, комплексной семантикой, связанной и по форме, и по смыслу с разными типами отношений — и с условными, и с причинными, и с временными, и с адверсативными. Поэтому на вопрос об их генезисе трудно ответить однозначно. Далее рассмотрим некоторые точки зрения на эту проблему, существующие в современной лингвистике.

2.2. О связи уступительных отношений с причинными

На настоящем этапе развития языкознания существует два господствующих мнения относительно того, с каким типом отношений наиболее тесно связана уступительная семантика. Ряд авторов придерживается точки зрения, что уступительные конструкции происходят из причинных [Ляпон 1986, Теремова 1987, Di Meola 1998a, König 1991, König, Siemund 2000], другие считают, что их семантической базой являются условные конструкции [Апресян 2004, Урысон 2002].

В работе [König 1991] уступительная семантика союза *although* выводится из значения причинного союза *because* и отрицания. А именно устанавливается смысловое соотношение между *because* под отрицанием, имеющим широкую сферу действия и *although* под отрицанием, имеющим узкую сферу действия:

not(*q* because *p*) vs. (not-*q*) although *p*.

⁶ Основной маркер уступительности в эстонском языке союз *kuigi* представляет собой лексикализованное целое, вероятно, восходящее к условно-временному союзу *kui* и энклитической частице *-gi*.

“The external negation of a causal construction is obviously equivalent to a concessive construction with a negated main clause” [König 1991: 196–197]. Это положение иллюстрируется следующим примером:

- (1a) *This house is no less comfortable because it dispenses with air-conditioning.*
- (1b) *This house is no less comfortable, although it dispenses with air-conditioning.*

Предлагаемые примеры, различающиеся союзом, выражают один и тот же смысл, что, однако, не означает синонимию союзов *because* и *although*. Эквивалентность значения вызвана разницей «взаимодействия» между зависимой частью предложений и наличием оператора отрицания. В причинном предложении отрицаются обе части предложения, в уступительном — только главная часть [там же: 196 и след.]. Таким образом, можно заключить, что Э. Кёниг выводит уступительное значение из причинного.

В работе [König, Siemund 2000] эта мысль развивается. Авторы показывают, что concessive конструкции являются в определенном смысле антонимами причинных⁷. Примеры, приведенные в [König 1991] рассматриваются вновь, причем для их интерпретации вводятся понятия интонационного рисунка и информационной структуры:

- (1c) *This house is no less comfortable because it dispenses with AIR-conditioning.*
- (1d) *This house is no LESS comfortable, although it dispenses with AIR-conditioning.*

В первом примере при помощи строчных букв выделяется одно, во втором — два фразовых ударения. Отмечается, как и прежде, что причинный и уступительный союзы не синонимичны, синонимия между рассматриваемыми конструкциями достигается за счет различной сферы действия отрицания (широкой или узкой), которая маркируется интонационно [König, Siemund 2000: 344]. Более того, те же самые парафрастические отношения обнаруживаются между причинной конструкцией с двойным отрицанием и уступительной конструкцией без отрицания [там же]:

- (2a) *It is NOT the case that Brutus's love for Caesar was a reason for not killing him.*
- (2b) *Brutus killed Caesar, although he LOVED him.*

⁷ В частности, анализируется работа [Di Meola 1998a], автор которой определяет уступительность как «скрытую причинность» („hidden causality”) (цит. по [König, Siemund 2000: 348]).

Далее подробно разбираются отношения между каузальными и concessивными конструкциями. В результате авторы приходят к формулировке основной схемы уступительности (Cardinal Concessive Shema):

X (therefore Z)
 X'
 Y (where Y is contradictory to Z)

В качестве иллюстрирующего приводится следующий пример:

Cardinal Concessive Shema	example
X	A: (that guy is healthy as an ox) expect for his liver
X'	B: as much as he abused his liver
Z	he is still as healthy as an ox

[König, Siemund 2000: 356]. Представляется интересным, что, в данной работе уступительные отношения рассматриваются с точки зрения дискурсивной, диалогической перспективы с применением логического подхода: смысл 'уступительность' выводится из смыслов 'отрицание' и 'причина'. До недавнего времени, по крайней мере, в русистике, дискурсивный и логический подходы при описании отношений уступительности, как правило, не совмещались, в последнее время, как кажется, намечаются тенденции их совмещения, приводящие к интересным результатам.⁸

Уступительное значение восходит к причинному также по мнению многих русистов.⁹ Так, например, М. В. Ляпон пишет: «уступительные отношения представляют собой модификацию каузального значения, соединенного с противительным компонентом. Результат этого соединения — нереализованная обусловленность: сообщаемое в одной части предстает как потенциальная причина, отвергнутое основание, т.е. так или иначе — как фактор, оказавшийся недостаточным основанием для того, чтобы отменить ситуацию, о которой сообщается в другой части» (разрядка моя — К. К.) [Ляпон 1986: 137].

Р. М. Теремова также выводит уступительное значение из причинного. Она пишет о том, что структура уступительной ситуации очень сложна. Ее составляют четыре семантических компонента, обладающих целым рядом

⁸ См. ниже анализ работы [Апресян 1999], которая пишет о диалоговой природе уступительных выражений.

Дискурсивный подход к уступительным отношениям применяется, например, в работе [Арутюнова 1988], где рассматривается роль уступительных союзов в построении диалога и в полемике.

⁹ Представляется, что большинство как западных, так и российских лингвистов склонно признавать дериватом уступительности причинность.

дифференциально-семантических признаков, которые реализуются в отношениях между этими компонентами. В наиболее полном и развернутом виде уступительная ситуация может быть представлена следующими семантическими компонентами, определяющими ее четырехчастную конфигурацию: 1) У (П₁) — уступительный компонент, событие-уступка, действительное основание; 2) С₁ — ожидаемое на основании П₁ следствие; 3) П₂ — превосходящая причина; С (С₂) — следственный компонент, фактическое следствие. Уступительная ситуация в полной мере иллюстрирует тезис о том, что значение сложного предложения — это не сумма смыслов, а качественно новый смысл, возникающий в результате взаимодействия семантических компонентов [Теремова 1986: 4–5].

Далее в работе приводится семантическая субкатегоризация уступительных ситуаций. Схематическое ее представление можно найти в [П4], поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на ее анализе. Недостаток предлагаемой в [Теремова 1986] классификации заключается в ее дробности и прикрепленности к языковым фактам лишь русского языка, следовательно, она не может быть использована в качестве основы для сопоставления разных языков.

Вторая часть работы [Теремова 1986] посвящена анализу смысловых и структурных особенностей поля concessivности в русском языке. Автор выделяет в его структуре пять микрополей: микрополе реально-уступительного значения, микрополе нейтрально-уступительного допущения, микрополе максимально-уступительного допущения, микрополе обобщенно-уступительного допущения и микрополе альтернативно-уступительного допущения. Р. М. Теремова отмечает, что у каждого микрополя в плане выражения имеется своя центральная зона, конститuentами которой являются языковые единицы, наиболее полно и однозначно выражающие данную модификацию уступительного значения, поле concessivности в целом представляет собой полицентрическую структуру [Теремова 1986: 31]. С этим положением трудно не согласиться, однако когда исследователь начинает анализировать языковые элементы, образующие, например, ядро микрополя реально-уступительного значения, начинаются интерпретационные трудности.

Р. М. Теремова пишет, что даже центральная зона микрополя довольно сложна и выделяет в ней отдельные ядерные слои, различающиеся степенью специализации конструкций для выражения категориальной семантической функции. Первый ядерный слой, т.е. ядро в узком смысле этого слова, составляют конструкции, «в которых данный тип уступительного значения актуализируется структурно-формальными средствами (союзами, напр., *хотя, несмотря на то что*, предлогами, напр., *несмотря на, невзирая на, вопреки, наперекор, против, сверх*). Это уступительные сложноподчиненные предложения и глагольно-именные конструкции со специализированными, уступительными предлогами (выделено мною — К. К.) [там же: 32]. Представляется,

однако, что предложно-падежные сочетания не могут быть ядерными (в другой терминологии — прототипическими) выразителями уступительного значения. Так как в уступительной ситуации всегда участвуют две позиции, то и прототипическими их репрезентантами в языке должны быть бипропозитивные, точнее — бипредикативные конструкции. Таковыми в русском языке являются сложные предложения. Таким образом, можно заключить, что классификация уступительных ситуаций, предложенная в [Теремова 1986] нуждается в некоторых уточнениях и неприемлима в имеющемся виде для сопоставительного изучения языков.

Е. Б. Евтюхин считает основным признаком уступительности разнознаковость: «основной признак уступительности — обратная обусловленность, которая может быть интерпретирована как оценочная разнознаковость» [Евтюхин 1996: 170]. Речь идет о вариациях интегративного смысла уступительных функциональных структур, получаемых за счет содержательной соотнесенности микроситуаций в рамках макроситуации. При этом одна из них маркируется как «хорошо», другая как «плохо», «да» — «нет», «потенции положительные» — «результат отрицательный», «потенции отрицательные» — «результат положительный» и т.п. Уступительные макроситуации построены в основном по двум противопоставленным друг другу схемам. В первом случае обуславливающая микроситуация отмечена некоторым условным знаком «плюс», а обуславливаемая ситуация — знаком «минус». Во втором случае — наоборот, обуславливающая ситуация отмечена знаком «минус», а обусловленная — знаком «плюс». Разнообразные смысловые вариации этих плюсов и минусов дают картину конкретных типов категориальных ситуаций [там же: 170–171].

Такое толкование смысловых отношений уступительности представляется не совсем адекватным. Адверсативный компонент значения, который имплицитно учитывается в классификации, предложенной Е. Б. Евтюхиным, недостаточен для экспликации concessивного значения. Отметим в скобках, что анализируемое толкование также относится к ряду тех многочисленных интерпретаций, в которых уступительное значение выводится из каузального. В классификации [Евтюхин 1996; 1997] не учитывается условный компонент значения, присущий ряду уступительных конструкций, кроме того, непонятно, каким образом в нее укладываются универсальные УСК. Очевидно, что и тот и другой подтип УСК будет рассматриваться в рамках разных категориальных ситуаций в зависимости от лексического наполнения главной и зависимой частей предложения. Проблема может быть также связана с интерпретацией конкретных микроситуаций как положительно или отрицательно отмеченных. Кроме того, за пределами исследования оказываются формально простые или осложненные предложения, поскольку в них одна из микроситуаций представлена в свернутом виде. Анализируемая классификация представляется слишком

общей и с трудом применимой к некоторым конкретным языковым фактам и сопоставительным исследованиям.

На основе обсуждаемых точек зрения можно сделать вывод о том, уступительное значение не выводится непосредственно из каузального.

2.3. Классификация условно-уступительных конструкций М. Хаспельмата и Э. Кёнига

Одна из наиболее известных классификаций условно-уступительных конструкций (УУК) предложена в работе [Haspelmath, König 1998]. Согласно этой классификации УУК делятся на скалярные (3), альтернативные (4) и универсальные (5).

- (3) *Even if we do not get any financial support, we will go ahead with our project.*
- (4) *Whether we get any financial support or not, we will go ahead with our project.*
- (5) *No matter how much (/However much) financial support we get, we will go ahead with our project.*

[Haspelmath, König 1998: 563].

Эту классификацию использует при анализе УУК эстонского языка Х. Кокс [Koks 2004]. Основой этой классификации, как можно заключить по примерам, служит представление о том, как устроена зависимая часть УУК. В скалярных УУК выражается условная уступка P , которая в стандартных условиях не препятствует осуществлению ситуации не- Q . В зависимой части альтернативных УУК выражаются как минимум две альтернативные условные уступки P_1 и P_2 , ни одна из которых не препятствует осуществлению ситуации не- Q . Зависимая часть универсальных УУК интерпретируется следующим образом: не существует ни одной конкретной условной уступки, которая препятствовала бы осуществлению ситуации не- Q (цит. по [Храковский 2004]).

Признавая эту классификацию важным вкладом в универсально-типологическое изучение УСК, В. С. Храковский предлагает некоторые уточнения и замечания. Первое, более частное замечание касается того, что альтернативные УУК можно, вероятно, рассматривать как частный случай универсальных УУК. Второе замечание более существенное. В работе [Храковский 2000] (см. также [Храковский 1999]) был на материале русского языка проведен анализ универсальных уступительных конструкций¹⁰, который позволил сделать следующие выводы. С семантической точки зрения универсальные УУК русского языка можно разделить на две

¹⁰ Универсальные УСК называются также генерализованными.

группы. Первую образуют УУК, в которых обозначаются повторяющиеся положения дел и им присуще итеративное значение. Это же относится к другим языкам, в частности, — к эстонскому. В другую группу входят конструкции, обозначающие единичные положения дел и выражающие специфический общий смысл ‘признак / действие в зависимой части осуществляется с максимальным превышением условной нормы, т.е. или интенсивно, или длительно’. Проведенный анализ дал два важных результата: во-первых, среди конструкций, обычно относимых к универсальным, на самом деле не все являются таковыми; во-вторых, среди универсальных конструкций есть не только УУК, но и УсК [Храковский 2000: 158 и след.]. Таким образом, анализ универсальных УУК, проведенный в работе [Храковский 2000], позволяет уточнить классификацию УУК, предложенную в [Haspelmath, König 1998].

2.4. Об описании уступительности в работах Московской семантической школы

В последнее время в русистике уступительные отношения привлекали внимание исследователей двух школ — Московской семантической школы и Петербургской типологической школы. Попробуем кратко охарактеризовать некоторые из работ, выполненных в рамках того и другого направления.

В работах, выполненных в рамках Московской семантической школы (см. работы В. Ю. Апресян, Е. В. Урысон), дается очень детальный анализ уступительных слов, выявляющий тончайшие оттенки их значений, а также их валентную структуру. Такой подход позволяет лучше понять суть и специфику уступительных отношений, и, безусловно, вносит значительный вклад в науку о языке. Он имеет выход в лексикографию (ср. «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», издаваемый под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна). Однако такое описание не очень подходит для сопоставительных исследований, поскольку в каждом языке есть свой набор слов с уступительным значением. По-видимому, они группируются по-своему и не совпадают, в частности, с точки зрения валентной структуры — а это очень важный показатель — с соответствующим лексическими единицами русского языка¹¹. Тем не менее, полу-

¹¹ Об этом косвенно свидетельствует, в частности, факт, который был обнаружен и описан Ю. Д. Апресяном при анализе близких синонимов, один из которых является семантическим примитивом: *хотеть* — *желать*, *to want* — *to wish* [Апресян 1995]. В значениях этих глаголов есть большая общая часть, однако между ними есть и определенные семантические различия, благодаря которым каждый из синонимов имеет свой специфический семантический «ореол». Существенно, что небольшими смысловыми «штрихами» различаются и, на первый взгляд, эквивалентные семантические

ченные в рамках анализируемого подхода толкования могут быть использованы и в компаративистике. Рассмотрим некоторые из этих работ.

В работе [Апресян 1999] выделяется семь основных подклассов слов с уступительным значением: обманутое ожидание¹²; уступка с несогласием; возражение под видом согласия¹³; компенсация и оговорка; предел; уступка вопреки желанию; условие, на котором говорящий готов пойти на уступку. Внутри некоторых подклассов выделяются меньшие подгруппы. Проанализировав состав выделяемых подклассов слов с уступительным значением и значения входящих в них выражений, автор делает вывод о том, что можно выделить некий общий прототипический сценарий употребления для них всех, который может считаться кандидатом на семантический инвариант, по крайней мере, в пределах рассмотренного материала. Имеет место конфликт двух ситуаций (Р и Q), и в этом конфликте ситуация Р побеждает, оказывается сильнее¹⁴. Иногда это происходит благодаря неким дополнительным обстоятельствам (R) [Апресян 1999: 37].

По мнению В. Ю. Апресян, уступительные выражения различаются, в первую очередь, по тому, какого рода ситуации вступают в конфликт. Они могут оцениваться говорящим как нечто желательное или нежелательное, как нечто значительное или малое, как нечто вероятное или маловероятное.

Второе различие между уступительными выражениями заключается в том, какая именно из ситуаций (Р, Q или R) находится в фокусе внимания. И, наконец, уступительные выражения варьируются «по степени своей уступительности» [там же]. Поскольку все уступительные выражения, по мнению В. Ю. Апресян, в какой-то мере диалоговые, ориентированные на реального или воображаемого адресата или оппонента, то все они содержат указание на некую долю согласия с адресатом, признания его правоты, а также некоторую долю несогласия с адресатом и утверждения своей правоты. В зависимости от доли того или другого, уступительные выражения выстраиваются по некоторой шкале в одном конце которой находятся слабо уступительные выражения (*несмотря на, тем не менее, все равно*), а на другом — сильно уступительные лексемы (*как-никак, правда*).

В работе [Апресян 2004] автор полемизирует с представленной в [König 1991] точкой зрения на уступительность как комбинацию отрицания и причины. В. Ю. Апресян конструирует примеры, аналогичные примерам, приводимым в [König 1991], и на основании их анализа делает вывод, что

примитивы из разных языков (*хотеть — to want*) (выделено мною — К. К., цит. по [Урысон 2002]).

¹² Смысл ‘обманутое ожидание’ используется также в работе [Урысон 2006] для семантизации союзов *и, а и но*.

¹³ Автор отмечает, что эта формулировка заимствована из работы [Булыгина, Шмелев 1997].

¹⁴ Ср. толкование уступительных ситуаций в [Храковский 2004].

их правильная интерпретация указывает на условие, а не на причину: «толкование основных уступительных лексем *хотя 1* и *несмотря на то что* должно опираться не на смысл ‘причина’, т.к. этот смысл является чересчур узким и не покрывает всех случаев употребления данных лексем, а на более широкий смысл ‘условие’. Таким образом, ядром, прототипом уступительного значения является следующий смысл: *хотя <несмотря на то что> P, Q* = ‘имеет место P; говорящий считает, что в норме, если P, то не-Q; в данном случае имеет место Q’» [Апресян 2004: 259].

Полученное толкование уступительных лексем *хотя 1* и *несмотря на то что* очень сильно пересекается с толкованием союза *но* в одном из его употреблений — «*но* ненормального следствия», которое предложено в [Санников 1989: 156]. Поэтому естественно, что автор рассматриваемой работы далее переходит к анализу точек соприкосновения между уступительностью и противительностью. Мы рассмотрим связь уступительных и противительных отношений в отдельном параграфе данной главы, поэтому здесь на их анализе подробнее останавливаться не будем.

Работа [Апресян 2005] является продолжением работ, посвященных понятию уступительности и уступительным словам, и в ней развиваются гипотеза, что прототипом уступительности, ее семантическим инвариантом является союз *хотя 1* — основная уступительная единица русского языка. Для него в предыдущих работах этого автора предлагается и обосновывается следующее толкование: *Хотя 1 P, Q* (*Хотя он был болен [P], он пошел на работу [Q]*) = ‘имеет место P; имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то обычно или естественно, чтобы имела место ситуация типа не-Q’.

На основе этого семантического прототипа предлагается строить толкования всех прочих уступительных единиц при помощи модификаций и добавления различных других семантических компонентов — семантических наращений. Выделяется пять основных направлений семантической модификации или обогащения инварианта — конверсия, добавление валентности, изменение экзистенциальных статусов ситуаций P и Q, добавление оценок ситуаций P и Q по желательности-нежелательности, добавление оценок ситуаций P и Q по степени [Апресян 2005: 1]. В работе 2005 г. рассматриваются уступительные слова, которые отличаются от семантического прототипа главным образом наличием дополнительной валентности.

Далее перейдем к рассмотрению работ Е. В. Урысон. В работе [Урысон 2002] автор рассматривает семантику союза *хотя* и его синонима *несмотря на то что* и говорит о полисемии союза *хотя*, выделяя лексем — *хотя 1*, *хотя 2* и *хотя 3*, из которых лишь первая выступает в своем центральном собственно уступительном значении [Урысон 2002: 35–36]. Лексема *хотя 1* и является основным объектом анализа. Автор рассматривает разные примеры и приходит к выводу о том, что в значении союза *хотя* содержится компонент ‘если’, который может являться пресуппози-

цией высказывания с *хотя*, однако не всегда. Дело в том, что в примерах с *хотя* предполагается существование каузальной связи между ситуациями, а пресуппозиция союза *хотя* предполагает именно такую зависимость. Между тем, союз *если* может выражать как целый спектр каузальных связей¹⁵ между ситуациями, так и некаузальную связь между ними. Толкуя *хотя* через *если*, мы должны «зачеркнуть» соответствующий компонент значения ‘если’, т.е. обозначение некаузальной связи между ситуациями. Этого, по мнению Е. В. Урысон, можно достигнуть с помощью контекста [Урысон 2001: 44–47].

На основании проведенного анализа автор предлагает следующее толкование лексемы *хотя* I — центральной лексемы союза *хотя*:

«*Хотя* P, Q [*Хотя* было сыро (Q), Ваню повели гулять (P)] =

‘[а] имеет место ситуация Q, имеет место ситуация P;

[б пресуппозиция] обычно или по мнению говорящего или слушающего:

(i) ситуация из класса Q’ влияет на имеющееся положение дел и препятствует существованию ситуации из класса P’; в результате если имеет место ситуация из класса Q’, то не имеет место ситуация из класса P’;

или

(ii) если имеет место ситуация из класса Q’, то не имеет место ситуация из класса P’; потому что существует какая-то другая ситуация, которая влияет на имеющееся положение дел и благодаря которой существует ситуация из класса Q’ и не существует ситуация из класса P’» [Урысон 2002: 47].

Таким образом, уступительный союз *хотя* толкуется в анализируемой работе через ‘если’, который признается семантическим примитивом¹⁶. Однако, будучи семантическим примитивом, ‘если’ не является, по словам Е. В. Урысон, «семантическим монолитом», так как в его значении выделяется невербализуемый компонент, для обозначения которого в язы-

¹⁵ Из сказанного видно, что Е. В. Урысон объясняет значение союза *хотя* через условие (*если*), а не причину. Следует отметить, что она не придерживается точки зрения, представленной, в частности, в РГ-80 или в работе [Храковский 1998а], в которых высказывается мнение, что условная связь возможна лишь в случае гипотетических ситуаций. «В любой условной конструкции и положение дел p, выражаемое в зависимой части, и положение дел q, выражаемое в главной части, рассматриваются говорящим по отношению к миру не как действительные, т.е. фактивные, а как возможные или невозможные, т.е. нефактивные. <...> Нефактивность составляет универсальный отличительный признак условных конструкций» [Храковский 1998а: 22]. По мнению Е. В. Урысон, условие и причина — это два разных типа каузальной связи между ситуациями, не зависящих от реальности или гипотетичности описываемого положения дел. Об этом подробно см. в [Урысон 2001].

¹⁶ ‘Если’ относит к числу семантических примитивов также А. Вежбицкая: [Вежбицкая 1996: 225].

ке нет особой единицы. Такие невербализуемые семантические компоненты, более мелкие, чем значение любой лексемы естественного языка, Ю. Д. Апресян назвал семантическими кварками [Апресян 1995]. По-видимому, компонент указания на некаузальную связь между ситуациями, выделяемый в толковании союза *хотя*, можно отнести к семантическим кваркам.

В работе [Урысон 2003] продолжается исследование семантической и валентной структуры слов с уступительным значением. Автор расширяет круг анализируемых лексем. Цель работы формулируется следующим образом: выявить семантику уступительности и показать, как данная семантика выступает в конкретных уступительных словах. В частности ответить на вопрос, сколько актантов и сколько синтаксических валентностей имеет то или иное уступительное слово [Урысон 2003: 219]¹⁷. Автор представляет общую схему уступительного значения, ее семантический конструктор, который имеет следующий вид:

‘[i] имеет место ситуация Q;

[ii] имеет место ситуация R;

[iii, пресуппозиция] обычно ситуация типа Q влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа Q, то не имеет место ситуация типа P;

[iv, пресуппозиция] обычно ситуация типа R влияет на имеющееся положение дел; в результате если имеет место ситуация типа R, то имеет место ситуация типа P;

[v] в данном случае ситуация R влияет на положение дел больше, чем ситуация типа Q; в результате:

[vi] имеет место ситуация P’ [Урысон 2003: 228].

Далее автор останавливается на лексической семантике слов с уступительным значением и показывает, что приведенная схема лежит в основе всего этого класса. «Значение конкретных уступительных лексем естественно представлять как результат одного или нескольких стандартных преобразований общей схемы» [там же: 229]. Преобразование схемы сводится к двум операциям: а) элиминированию ее фрагментов и б) ранжированию ее актантов [там же: 241]. В работе описаны двух- и трехактантные уступительные лексемы с разным ранжированием актантов, причем любой из актантов может быть первым по важности.

Предложенная схема и ее модификации дают возможность типологического описания уступительной лексики, на что указывает сам автор статьи.

Далее Е. В. Урысон проводит параллели между приведенным ею конструктором «общая схема уступительного значения» и предложенной в рабо-

¹⁷ Попытка описания актантной структуры уступительных слов была предпринята также в работе [Апресян 1999]. Важно, что у слов данного класса не постулируется единая актантная структура.

те [Теремова 1986] схемой уступительных ситуаций (см. выше). Р. М. Теремова также «развертывает» тексты с уступительными и противительными словами, восстанавливая соответствующие логические звенья. Но если схема «уступительной ситуации», по словам Р. М. Теремовой, относится к области понимания текста, то семантический конструкт Е. В. Урысон — это схема значения, «из которой получаются путем стандартных лингвистических преобразований, толкования разных уступительных слов» [Урысон 2003: 242].

В работах [Урысон 2005, 2006] рассматриваются русские сочинительные союзы — *но, а, и*. Это вполне естественное продолжение предыдущих работ, так как еще в статье 2002 г. Е. В. Урысон отмечает, что в толковании уступительного союза *хотя* более общее указание ‘ситуация из класса Q’ влияет на имеющееся положение дел’ можно было бы заменить на более частное, как это делает В. Ю. Апресян в работе 1999 г.: ‘ситуация из класса Q’ препятствует существованию ситуации класса P’ (выделено мною — *К. К.*), однако она этого не делает. Дело в том, что «представление о каком-то возможном влиянии некоторой ситуации на имеющееся положение дел, по-видимому, выражено в достаточно большом классе союзов, и более общая формулировка позволит лучше выявить системные связи в этом классе слов» [Урысон 2002: 48]. Именно выявлением связей между сочинительными союзами автор и занимается в работах 2005–2006 гг., однако эта тематика выходит за рамки данного исследования.

В работах Московской семантической школы описываются уступительные слова, а не синтаксические конструкции. Результаты этих исследований, несомненно, полезны для сопоставительного описания, однако они неприменимы в качестве основы функционально-синтаксического сопоставления языков.

2.5. Изучение уступительности в работах Петербургской типологической школы

Далее следует охарактеризовать подход к уступительным отношениям, принятый в Петербургской типологической школе. В рамках этого подхода изучается не семантика уступительных слов, а уступительные конструкции — синтаксические структуры, выражающие названную семантику.

В работе 1998 г. В. С. Храковский рассматривает уступительные предложения в системе имплицативных конструкций и пишет о том, что естественное развитие событий отображают причинные и условные конструкции, а неестественное развитие ситуаций — уступительные и условно-уступительные конструкции. Следовательно, в системе имплицативных конструкций можно выделить две подсистемы. Автором делается также

существенная оговорка: из деления синтаксических конструкций на отражающие естественное и неестественное развитие ситуаций отнюдь не следует, что конкретные ситуации можно разделить на две группы по этому же параметру [Храковский 1998: 80]. Это замечание представляется чрезвычайно важным. Однако несмотря на то, что оценка одного и того же развития событий — величина переменная, синтаксическая классификация, согласно которой одни конструкции выражают нормальный ход событий, а другие — ненормальный, универсальна.

Автор дает также экспликации толкования причинных, условных, уступительных и условно-уступительных конструкций, мы рассмотрим их ниже.

Далее В. С. Храковский пишет о том, что импликация антиследствий в уступительных конструкциях приводит к тому, что преимущественно в одной из частей этих конструкций, зависимой или главной, представлен квантор отрицания¹⁸, который может быть и имплицитным [там же: 81].

В разбираемой работе анализируются русские сложноподчиненные предложения с союзами *несмотря на* и *вопреки* и выявляются некоторые их синтаксические особенности, а также особенности и возможности преобразования предложных уступительных конструкций в союзные. Автор выделяет шесть ситуаций, возникающих в результате такого преобразования и делает вывод, что среди русских уступительных конструкций, входящих в систему имплицитивных, важное место занимают предложные конструкции с предлогами *несмотря на* и *вопреки*, формально являющимися простыми предложениями. Это существенное замечание, так как традиционно в синтаксисе в рамках уступительных рассматриваются лишь формально сложные, но не простые предложения (ср. РГ-80, II: 585–593).

Работа [Храковский 1999] посвящена анализу уступительных конструкций с союзом *хотя*. Автор констатирует, что для выражения уступительного смысла в современном русском языке используются прежде всего сложноподчиненные предложения. Это обстоятельство зафиксировано во всех имеющихся грамматических описаниях. Однако уступительный смысл может выражаться также в осложненных и формально простых предложениях разных видов.

Автор делает, на наш взгляд, существенное замечание, касающееся определений уступительных конструкций, представленных в русистике. Он отмечает, что в них обычно моделируется речевая компетенция не говорящего, а слушающего, который «декодирует услышанное и соответственно в своей речевой деятельности движется от формы к смыслу. Таким образом, подобные определения являются формально-смысловыми» [Храковский 1999: 246]. Далее подробно анализируется определение сложноподчиненных уступительных предложений, представленное в

¹⁸ Ср. толкование уступительного союза через сферу действия оператора отрицания в работе [König 1991].

«Русской грамматике». В. С. Храковский отмечает, что характеристика уступительных конструкций не совсем соответствует действительности и предлагает необходимые уточнения и дополнения.

Подробному анализу подвергаются уступительные конструкции, представленные предложениями с союзом *хотя*, которые являются для русского языка наиболее типичными и распространенными. Рассматривается их линейный синтаксис, сочетание союза *хотя* с частицей *и* и возможность употребления противительного союза в главной части.

В работах [Храковский 1999, 2000] анализируются универсальные уступительные конструкции, дается их исчисление и типология. Среди универсальных уступительных конструкций выделяются два больших класса — итеративные и неитеративные; в обоих выделяются более мелкие подклассы.

На основании проведенного анализа, автор опровергает господствующую в научной литературе точку зрения, согласно которой все универсальные уступительные конструкции характеризуются как уступительно-условные. По-видимому, на распространение такого мнения могла оказать влияние, в частности, работа [Haspelmath, König 1998], характеристику которой см. выше.

В. С. Храковский пишет, что рассмотренные конструкции можно условно разделить на две группы. В одну входят конструкции со словами *кто (бы) ни, что (бы) ни, какой (бы) ни, где (бы) ни, куда (бы) ни, когда бы ни*. В них обозначаются повторяющиеся положения дел и им присуще итеративное значение, причем «в каждом из повторяющихся положений дел, выражаемых в ЗЧ, участвует один из разных представителей какого-либо одного обобщенного участника ситуации, обладающего универсальной референцией (остальные участники этой ситуации могут обладать конкретной референцией). Конструкции моделей без частицы *бы* и с частицей *бы* в ЗЧ обычно синонимичны и являются собственно уступительными конструкциями. Лишь те модели, в которых частица *бы* выступает как в ЗЧ, так и в ГЧ, представляют собой уступительно-условные конструкции с нереальным значением. <...> Важная семантическая особенность конструкций этой группы состоит в том, что в их ГЧ альтернативно могут выступать противоположные положения дел, каждое из которых таким образом представляет отклонение от существующей нормы, т.е. антиследствие» [Храковский 2000: 158]. Такая ситуация невозможна для стандартных УСК, следовательно, их определение для данной группы конструкций не подходит.

Во вторую группу входят конструкции со словами *как (бы) ни, сколько (бы) ни* и одна разновидность конструкций со словами *какой бы ни*. В них обозначаются единичные положения дел и «выражен специфический общий смысл ‘признак / действие в ЗЧ осуществляется с максимальным превышением условной нормы, т.е. или интенсивно, или длительно’ <...> Что касается уступительной семантики этих конструкций, то она ничем в

принципе не отличается от семантики стандартных уступительных конструкций» [там же: 159]. Модели этих конструкций без частицы *бы* интерпретируются как собственно уступительные, модели с частицей *бы* могут интерпретироваться и как собственно уступительные, и как условно-уступительные конструкции либо с потенциальным, либо с нереальным значением [там же].

Еще один важный вывод заключается в том, что для УСК обеих групп можно подобрать эквивалентную или близкую по смыслу стандартную УСК [там же].

В статье приводятся также таблицы, отражающие взаимную дистрибуцию видо-временных глагольных форм в ЗЧ и ГЧ рассмотренных конструкций (см. также [Храковский 1999]).

2.5.1. Характеристика теоретической базы описания уступительных конструкций

Наиболее существенной работой, написанной в рамках анализируемого направления, является «Типология уступительных конструкций» под редакцией В. С. Храковского, вышедшая в 2004 г. В ней «с единых теоретических позиций анализируются уступительные конструкции в различных языках» [Типология 2004: 3].

Охарактеризуем эту теоретическую базу, не останавливаясь более на оговоренных выше моментах.

УСК входят в широкий класс бипредикативных конструкций, в который наряду с ними включаются временные, причинные, условные, целевые, следственные, сравнительные и сопоставительные конструкции. Общее свойство этого класса заключается в том, что каждая из входящих в него конструкций состоит из синтаксически независимой, главной части и синтаксически зависимой части. В каждой из частей выражается независимая ситуация, таким образом, ЗЧ и ГЧ не связаны отношениями валентности [Храковский 2004: 9]. Среди бипредикативных выделяются конструкции обусловленности, куда входят причинные, целевые, условные, уступительные, а также конструкции следствия. В другой терминологии перечисленные конструкции называются имплицативными. По мнению авторов «Типологии уступительных конструкций» семантическая и формальная специфика УСК может быть наиболее точно охарактеризована при их сопоставлении с причинными, условными и адверсативными конструкциями, поскольку концепт 'уступительное значение' не относится к числу семантических примитивов, а является сложным и формируется на базе концептов 'причинное значение', 'условное значение' и 'противительное значение' [там же: 10]. Далее обсуждаются общие принципы устройства мира, согласно которым то или иное развитие ситуаций оценивается с позиции говорящего либо как закономерное, отражающее нор-

мальный ход событий, либо как незакономерное, отражающее ненормальный ход событий. В системе имплицативных конструкций выделяются, таким образом, две коррелирующие подсистемы (см. об этом также в [Храковский 1998]). Из корреляции этих подсистем следует, что каждая конструкция одной подсистемы коррелирует с определенной конструкцией другой подсистемы. Далее дается соотносительные толкования конструкций, входящих в каждую коррелирующую пару.

Толкование причинной конструкции типа *Петров купил жене подарок, потому что получил деньги. Q, потому что P*: 'имеет место ситуация P и связанная с ней ситуация Q; говорящий знает или считает, что это нормально'.

Толкование коррелирующей уступительной конструкции типа *Хотя Петров не получил денег, он купил жене подарок. хотя P, не-Q*: 'имеет место ситуация P и связанная с ней ситуация не-Q; говорящий знает или считает, что из ситуации P нормально должна следовать ситуация Q'.

Толкование условной конструкции типа *Если Петров получит деньги он купит жене подарок. если P, Q*: 'может иметь место либо ситуация P, либо ситуация не-P; при реализации ситуации P будет иметь место связанная с ней ситуация Q; говорящий знает или считает, что это нормально'.

Толкование коррелирующей условно-уступительной конструкции типа *Даже если Петров не получил денег, он купит жене подарок. даже если P, не-Q*: 'может иметь место либо ситуация P, либо ситуация не-P; при реализации ситуации P будет иметь место и связанная с ней ситуация не-Q; говорящий знает или считает, что нормально из ситуации P должна следовать ситуация Q'.

Толкование условной конструкции типа *Если бы Петров получил деньги, он бы купил жене подарок. если бы P, не-Q*: 'могла бы иметь место либо ситуация P, либо ситуация не-P; если бы реализовалась ситуация P, то имела бы место связанная с ней ситуация Q; говорящий знает или считает, что это нормально'.

Толкование коррелирующей условно-уступительной конструкции типа *Даже если бы Петров не получил денег, он бы купил жене подарок. даже если бы P, не-Q*. 'могла бы иметь место либо ситуация P, либо ситуация не-P; если бы реализовалась ситуация P, то имела бы место и связанная с ней ситуация не-Q; говорящий знает или считает, что из ситуации P нормально должна была бы следовать ситуация Q'.

Исходя из приведенных толкований, можно сделать вывод, что концепт 'уступительное значение' является родовым и реально реализуется в виде концептов 'причинно-уступительное значение' и 'условно-уступительное значение', причем последний представлен двумя разновидностями: выполнимое и невыполнимое условно-уступительное значение [Храковский 2004: 10–14].

Отмечается также, что концепты ‘уступительное значение’ и ‘условно-уступительное’ значение, как правило, маркируются различным способом. О различных способах их маркировки в эстонском языке см. в [П1].

С опорой на приведенные толкования в анализируемой работе предлагается концепция, позволяющая описывать УСК любых языков в такой форме, которая дает возможность эксплицитно представить их общие (прежде всего семантические) свойства, так и их типологические (прежде всего формальные) различия [там же: 19].

Далее анализируется классификация универсальных уступительных конструкций, предложенная в [Haspelmath, König 1998], и дается ее уточнение с опорой на результаты работы [Храковский 2000]. Делается вывод, что можно, очевидно, говорить о двух независимых классификациях. С одной стороны различаются негенерализованные и генерализованные (в другой терминологии — универсальные) УСК, с другой — собственно уступительные (УСК) и условно-уступительные конструкции (УУК). Совмещение этих классификаций дает следующие результаты.

I. Негенерализованные уступительные конструкции

I.1. Уступительные конструкции

Хотя шел дождь, Петров вышел из дома без зонтика.

I.2. Условно-уступительные конструкции

I.2.1. Реальные условно-уступительные конструкции

Даже если пойдет дождь, Петров выйдет из дома без зонтика.

Даже если бы пошел дождь, Петров выйдет из дома без зонтика.

I.2.2. Нереальные условно-уступительные конструкции

Даже если бы пошел дождь, Петров вышел бы из дома без зонтика.

II. Генерализованные уступительные конструкции

II.1. Уступительные конструкции

Куда (бы) Петров ни обращался, он нигде не получил вразумительного ответа.

II.2. Условно-уступительные конструкции

II.2.1. Реальные условно-уступительные конструкции

Куда бы Петров ни обращался, он нигде не получит вразумительного ответа / Куда Петров ни обратится, он нигде не получит вразумительного ответа.

II.2.2. Нереальные условно-уступительные конструкции

Куда бы Петров ни обратился, он бы нигде не получил вразумительного ответа.

[Храковский 2004: 22].

Далее в анализируемой работе рассматривается целый ряд проблем, в частности, вопрос о том, какие УСК следует считать прототипическими, а какие — маргинальными, дается формально-синтаксическая классифика-

ция УСК и последовательно рассматриваются все выявленные формально-синтаксические типы УСК.

Затем предлагаются принципы и параметры исчисления УСК и отмечается, что «к типологически ориентированным многомерным классификациям следует предъявлять только одно требование: все параметры таких классификаций (независимо от того, сколько параметров и какие именно положены в ее основу) должны быть семантическими (выделено мною — *К. К.*). Это представляется очевидным, поскольку именно семантика, а не форма служит общей составляющей различных разноструктурных языков» [там же: 80–81]. Очевидно также, что параметры, отбираемые для многомерных классификаций, должны быть существенными. Рецепта для их отбора, однако, не существует. Здесь все опирается на интуицию исследователя, который исходит из эмпирических фактов конкретных языков. С другой, стороны исчисляющих параметров не должно быть слишком много, чтобы классификация была обозрима и удобна в практическом использовании [там же].

После того, как в работе оговариваются требования, предъявляемые к построению исчисляющей типологической классификации, предлагается две такие классификации. Под одно из этих исчислений подводятся модели уступительных, под другое — модели условно-уступительных конструкций (см. стр. 81–91 цитируемой работы).

Как уже отмечалось, при анализе уступительных конструкций эстонского языка автор данной работы опирался на теоретические принципы, представленные в [Храковский 2004]. В качестве методического аппарата была использована Анкета для описания уступительных конструкций [Храковский 2004: 559–590], на вопросы которой автор пытался найти ответы применительно к эстонскому языку.

2.6. Уступительность и противительность

На связь между уступительными и противительными отношениями обращали внимание многие исследователи¹⁹. Характер этой связи может истолковываться по-разному. Так, например, В. С. Храковский считает, что несмотря на семантическую близость уступительных и противительных конструкций, следует помнить об их коммуникативных различиях. «В противительной конструкции, которая является сложносочиненным предложением, утверждаются ее обе части, тогда как в уступительной конструкции, которая является сложноподчиненным предложением, утверждается

¹⁹ Эта связь может эксплицироваться в терминах, употребляемых разными авторами по отношению к конструкциям, которые принято также называть собственно уступительными. В другой терминологии они называются уступительно-противительными (ср., напр., [Черемисина, Колосова 1987, Паппиниеми 1992]).

только ее главная часть, а зависимая часть относится к пресуппозиции» [Храковский 1999: 252].

В научной литературе существуют разные мнения по поводу того, как с формально-синтаксической точки зрения следует классифицировать уступительные конструкции, в главной части которых присутствует противительный союз. Как правило, это союз *но* или *однако*, но в его позиции могут функционировать также служебные слова и выражения типа *все-таки*, *все же*, *тем не менее*. А. М. Пешковский называет уступительные предложения с противительным союзом подчинительно-сочинительными. «Здесь мы имеем простое смешение оборотов, так называемую «контаминацию», объясняющуюся близостью уступительного и противительного значений. Подчинение и сочинение здесь ясны, необычно только их сочетание в одной паре соотносящихся. Такие сочетания мы называем подчинительно-сочинительными» [Пешковский 1956: 468]. В. С. Храковский полемизирует с этим мнением и пишет, что хотя это верно с формальной точки зрения, по существу эти предложения остаются сложноподчиненными. Различия между уступительными с противительным союзом и без него В. С. Храковский считает коммуникативными. «В предложениях, где противительного союза нет, в фокусе внимания говорящего и пишущего находится только зависимая часть, а в тех предложениях, в которых противительный союз есть, в фокусе внимания говорящего находятся обе части предложения» [Храковский 1999: 252]. Думается, однако, что различия между уступительными и противительными предложениями не сводятся к коммуникативным.

В РГ-80 предлагается иное решение проблемы соединения в рамках одного предложения уступительного и противительного союза. «Вне противопоставления сочинительных и подчинительных союзов находятся все двухместные союзы и союзные соединения, — во-первых, потому, что они могут быть образованы комбинированным сочинительно-подчинительным способом (*хотя — но*; *пускай — но*; <...>); во-вторых, потому, что для многих таких соединений исключено взаимное перемещение их компонентов» [РГ-80, II: 615]. Следовательно, предложения с такими союзами не считаются ни сложносочиненными, ни сложноподчиненными.

Известно, что у союза *но* выделяется несколько значений. Так, например, в работе [Санников 1989] выделяются следующие значения союза *но*: 1) *но* противоположной оценки (*Он ленивый, но умный*); 2) *но* ненормального следствия (*Кругом весна, но за город нельзя*); 3) *но* противодействия (*Никита пошел в сад, но и там не было жизни*)²⁰. Автор обращает внимание на близость между *но* 1 и *но* 3, в то время как значение *но* 2 отличается от других значений союза *но* более существенно. Именно *но* 2 ближе всего по смыслу к уступительным союзам.

²⁰ Третье выделяемое В. З. Санниковым значение *но* — ограничительное.

В. Ю. Апресян также обращает внимание на это обстоятельство и пишет о том, что предложенное ею толкование уступительных лексем *хотя I* и *несмотря на то что* сильно пересекается с толкованием «но ненормального следствия» В. З. Санникова. Она эксплицирует это толкование следующим образом:

Х, но Y (*Он пошел за хлебом, но не купил его*) = 'X;
при нормальном ходе событий X привел бы к чему-то противоположному Y-у;
имеет место ненормальное Y;
решающим для описываемой ситуации является Y' [Апресян 2004: 260].

Поскольку лексемы *хотя I* и *но* столь близки по смыслу, то естественно предположить, что они взаимозаменяемы. Однако факты языка показывают, что если замена *хотя* на *но* возможна всегда, то замена *но* на *хотя* возможна лишь в некоторых случаях [РГ-80; Япон 1986]. Ср. пример из [Санников 1989: 155]: *Коля пошел на охоту, но вернулся ни с чем* и его модификацию из [Апресян 2004: 261]: *??Хотя <несмотря на то что> Коля пошел на охоту, он вернулся ни с чем*. Из ограниченных возможностей замены *хотя* на *но* В. Ю. Апресян делает вывод, что значение *но* шире значения уступительных лексем [там же]. Она формулирует различие между значениями *но* и *хотя*: „но ненормального следствия” «указывает на то, что при наличии некоторой ситуации Р ситуация не-Q является одним из нескольких возможных вариантов развития событий — самым естественным с точки зрения говорящего. *Хотя I* и *несмотря на то что* предполагают, что при наличии Р не-Q является единственным нормальным вариантом развития событий. Связь между Р и не-Q, которая задается лексемами *хотя I* и *несмотря на то что*, сильнее, чем та, которую предполагает *но* (разрядка автора)» [там же].

В работе [Мальчуков 2004] также рассматривается связь уступительного и противительного значений. Автор присоединяется к точке зрения тех исследователей, которые считают, что показатели уступительности и противительности различаются, в первую очередь, семантически (ср. [Япон 1986; Санников 1989]), а уступительное значение рассматривается А. Л. Мальчуковым как «частный случай противительного» [Мальчуков 2004: 268]. А. Л. Мальчуков рассматривает возможность употребления уступительных союзов *хотя* и *несмотря на* «в функциях выделенных для противительного *но* — уступительной, противоположной оценки и ограничительной» [там же: 270] и демонстрирует, что «если *но* употребляется во всех трех функциях, то *хотя* ограничено двумя функциями (уступительной и противительно-оценочной), а *несмотря на* — одной (собственно уступительной)» [там же]. Приведем примеры из работы [Мальчуков 2004].

- (6а) *Ваня простудился, но пошел в школу.*
 (6б) *Хотя Ваня простудился, он пошел в школу.*
 (6в) *Несмотря на то, что Ваня простудился, он пошел в школу.*
 (7а) *Ваня умный, но ленивый.*
 (7б) *Ваня ленивый, хоть (и) умный.*
 (7в) **Ваня ленивый, несмотря на то, что умный.*
 (8а) *Ваня заболел, но поправился.*
 (8б) **Ваня, хотя заболел, поправился.*
 (8в) **Ваня, несмотря на то, что заболел, поправился.*

Семантический потенциал анализируемых союзов представлен в работе [Мальчуков 2004: 271] в виде семантической карты. Импликативно-противительное значение рассматривается в качестве центрального среди противительных значений, причем как связанное, с одной стороны, с ограничительным, а с другой, — с собственно уступительным.

В работе [Урысон 2005] также демонстрируется многозначность союза *но*, причем все его значения объединены идеей «обманутого ожидания»²¹. Гипотеза, которая обсуждается в анализируемой статье, формулируется следующим образом: «1) у союза *но* более одного значения, но все его значения имеют большую, причем нетривиальную общую часть; 2) семантическое «ядро» союза *но*, присутствующее во всех его значениях, не может быть выражено на языке семантических примитивов; причина этого в том, что лексемы естественного языка (а семантические примитивы, по определению, являются лексемами) существенно богаче данного компонента; 3) некоторые значения союза *но* не толкуемы обычным способом, в частности, они не представимы в рамках теории семантических примитивов» [Урысон 2005: 1]. Далее у союза *но* выделяется два значения; используются принятые в [Санников 1989] толкования — «*но* ненормального следствия» и «*но* противодействия». На примерах демонстрируется, что у «*но* ненормального следствия» есть синонимы — *хотя, тем не менее*, а у «*но* противодействия» их нет, так как он не допускает замены на уступительные слова. Ср.:

- (9) *День был дождливый, но Коля не вымок.*
 (10) *День был дождливый, но Коля взял зонт.*

Е. В. Урысон предлагает системное объяснение полисемии союза *но*, выбирая для этого обращение к его актантной структуре. Лексемы *но* 1.1 и *но* 1.2, по ее мнению, семантически трехвалентны, причем обладают од-

²¹ Похожее толкование английского союза *but*, имеющего, впрочем, более широкую сферу употребления, чем русский *но*, предлагает Т. Виноград: «But может быть истолковано так: “следующее утверждение противоречит заключению, которое, мне думается, вы сделаете”» [Виноград 1983: 156].

ним и тем же набором актантов (P, Q и R). «Актант P — это та ситуация, которая индуцирует «ожидание»; в данном случае P — ‘день был дождливый’. Актант Q — это отрицание ожидания: (т.е. ситуация ‘Коля не вымок’). Актант R — это причина того, почему ожидание оказалось обманутым (ср. ‘Коля взял зонт’)» [Урысон 2005: 2]. Различаются выделяемые в анализируемых лексемах актанты своим рангом²² и в связи с этим синтаксическим выражением. Поскольку третий актант выражается факультативно и его обозначение не подчиняется сколько-нибудь четким лингвистическим правилам, то естественно считать, что семантически трехвалентный союз *но* на синтаксическом уровне имеет всего две валентности. Следовательно, в высказываниях с союзом *но* опущено одно из смысловых звеньев [там же]. Далее на примерах показано, что одна и та же пропозиция может вводить разные ожидания: оно может быть частью общих представлений о мире; оно может взаимодействовать с описанием конкретного положения дел, с широким контекстом. Однако то или иное конкретное ожидание не входит само по себе в значение союза. Далее анализируется употребление союза *но* в разных контекстах и дается его толкование (толкование лексемы *но 1.2* не приводится, так как она получается из лексемы *но 1.1* конверсным преобразованием). Отдельно рассматриваются также модификации «*но* ненормального следствия», автор апеллирует к книге [Санников 1989], в которой сформулированы принципы разграничения нормального и ненормального в языке [Санников 1989: 162 и след.], которые «коррелируют» с употреблением союза *но*. Е. В. Урысон полемизирует с работой [Санников 1989] и приходит к несколько иным выводам, в частности, по ее мнению, не мир устойчив к изменениям (принцип статичности Санникова), а инерционно человеческое сознание, которое «настроено» на данное положение дел, прекращение же имеющейся ситуации заставляет сознание «переключиться». «Это неожиданное для самого субъекта «переключение сознания» и обозначается союзом *но*» [Урысон 2005: 9].

Такое описание материала, как мы видим в [Урысон 2005], по словам самого автора, «не укладывается не только в рамки Московской семантической школы, но, по-видимому, и в рамки традиционных лингвистических описаний вообще» [там же: 11], однако оно представляется очень емким, интересным и позволяет выявить тонкие семантические оттенки анализируемых лексем и тем самым более четко уяснить разницу и сходство между уступительными и противительными отношениями.

²² О ранжировании актантов при описании слов с уступительным значением см. в [Урысон 2003].

3. О контрастивном или сопоставительном подходе в языкознании

Общеизвестно, что контрастивная²³ или сопоставительная лингвистика возникла на стыке структурной типологии языков и лингводидактики. В круг ее основных задач входит выявление языковых различий и сходств, используемых затем для оптимизации процессов обучения неродному языку. На данном этапе развития ее можно считать вполне оформившейся самостоятельной областью языкознания.

О контрастивной лингвистике как об особой науке внутри языкознания стали писать особенно много начиная с 1960-х гг., однако само сопоставление языков, лежащее в основе контрастивных (или сопоставительных) исследований, столь же древнее, как и само изучение языка.

Как уже отмечалось, сопоставительная лингвистика имеет точки соприкосновения не только с теорией перевода и лингводидактикой, но и с лингвистической типологией. Определяя типологию языков как научную дисциплину, У. Крофт [Croft 2003] неоднократно говорит о сравнении языков (*cross-linguistic comparison*). Он наглядно демонстрирует, что в типологическом подходе сравнение отдельных языков — это необходимое, но недостаточное условие для выводов, на основе которых устанавливаются типологические связи и универсальные свойства языков (цит. по [Мустайоки 2006]).

В русистике на связь между контрастивной лингвистикой и типологическими исследованиями указывается, в частности, в работах В. Н. Ярцевой.

В задачи данной работы не входит подробный обзор работ по контрастивной лингвистике. Подобные описания можно найти, в частности, в [Fisiak 1990, Chesterman 1998], см. также приведенные в них списки литературы. О теоретических проблемах контрастивной лингвистики и

²³ Раньше некоторыми исследователями (напр., Л. Заброцки) различались понятия *контрастивного* и *конфронтативного* изучения языков. Согласно данной концепции в контрастивном анализе рассматриваются преимущественно различия, а в конфронтативном описываются как различия, так и сходства языков (цит. по [Мустайоки 2006: 390]). В настоящее время термин *контрастивный* употребляется в обоих значениях. Так, в частности, в русистике термином *контрастивная грамматика* пользуется В. Н. Ярцева ([Ярцева 1981]), однако более широкое распространение получил термин *сопоставительная грамматика*.

Применительно к представленному в данной работе материалу автор также предпочитает использовать термин *сопоставительный*, так как импортированный из западной лингвистики термин *контрастивный* ассоциируется, прежде всего, с выявлением различий между языками, в то время как для данной работы не менее важными оказываются также сходства между ними. Поэтому термин *сопоставительный* представляется более уместным.

принципах сопоставительного изучения языков, в частности, об основе сопоставления, о теории эквивалентности, о связи контрастивной лингвистики с другими отраслями языкознания см. в работе [Krzyszowski 1990].

Следует, однако, сказать, что теоретики контрастивной лингвистики различают области прикладных и теоретических исследований. Прикладное направление контрастивной грамматики стремится к получению данных, полезных с точки зрения обучения языку. Однако данные теоретических исследований в области контрастивной грамматики имеют значение также с педагогической точки зрения.

К числу практических грамматик, построенных по принципу «от формы к значению» относится, в частности, анализируемая ниже [Пяльц, Тотсель, Тукумцев 1962]. В грамматике [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003] различия между языками описываются на категориальном уровне — дается представление о том, какие грамматические категории существуют в описываемых языках и как различается их употребление. Иными словами, между грамматическими категориями двух языков устанавливаются отношения функциональной эквивалентности²⁴. Широкою известностью получила также работа [Гак 1988], в которой проводится «систематическое сопоставление фактов русского и французского языков, особенно в аспекте их функционирования в речи, причем наибольшее внимание уделяется расхождению между двумя языками» [Гак 1988: 3]. Книга [Gladrow 1989] представляет собой описание того, как в русском и немецком языках выражаются определенные семантические категории. У этой работы есть общие черты, с одной стороны, с моделью функционально-семантических полей А. В. Бондарко, с другой, — с функциональным синтаксисом А. Мустайоки. Таким образом, в современной лингвистике существуют сопоставительные описания как «от формы», так и «от значения».

У сопоставительного подхода и на современном этапе развития языкознания есть прикладные цели, он может иметь, кроме теоретического, также практический выход, давая материал для двуязычной лексикографии, практики перевода, а также методики обучения неродному языку.

Данная работа, выполненная в русле сопоставительных исследований, носит преимущественно теоретический характер, однако ряд ее результатов и наблюдений над конкретным материалом может быть использован и в прикладных целях.

²⁴ В работе [Бондарко 1990] рассматривается понятие эквивалентности, имеющее прямое отношение к работам данного типа. Он пишет: «В сфере интерпретационных значений господствует тенденция к межязыковому варьированию при эквивалентности смысла — *tertium comparationis* языковых значений» [Бондарко 1990: 487].

3.1. Сопоставительные исследования эстонского и русского языков

Далее перейдем к рассмотрению имеющихся сопоставительных грамматик эстонского и русского языков. До недавнего времени существовало две книги по эстонско-русской сопоставительной грамматике: [Пялль, Тотсель, Тукумцев 1962; Mölder 1967]. Обе они являются учебниками, адресованными преподавателям русского языка как иностранного и студентам, и были написаны с использованием семасиологического подхода. Так, например, в книге [Пялль, Тотсель, Тукумцев 1962] можно найти разделы, называющиеся «Лексикология», «Фонетика», «Система письма», «Морфология», «Синтаксис». В указанных произведениях можно найти немало полезного, однако они несколько устарели.

В 2003 году вышел «Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков» [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003]. Основная часть «Справочника» — это главы о грамматике, преимущественно морфологии, построенные по частям речи. Описание грамматических особенностей эстонского языка и сопоставление их с русским языком дается в функциональном ключе: при изучении языка важно не только знать о существовании и характере тех или иных явлений в изучаемом языке — необходимо знать, каковы функции этих явлений в нем, как та или иная языковая единица употребляется (разрядка моя — К. К.) [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 4]. Таким образом, и новая книга по контрастивной грамматике эстонского и русского языков написана в направлении «от формы к значению», однако в ней при описании языковых явлений применяются принципы функциональной грамматики. В настоящее время не существует последовательного сопоставительного описания эстонского и русского языков, выполненного в направлении «от значения к форме» (ср. выше работу [Gladrow 1989]).

В 2003 г. вышел справочник „Keelehärm. Eesti keele probleemseid piirkondi”, предназначенный для студентов, изучающих эстонский язык как иностранный, а также в помощь учителям эстонского языка как неродного. Выбор материала для справочника основан на анализе ошибок, которые допускают учащиеся с родным русским языком при изучении эстонского языка, на сопоставлении эстонского и русского языков, а также на анализе структуры эстонского языка [Metslang jt 2003: 3]. В нем содержится обзор основных проблемных мест эстонской грамматики и лексики, приводится анализ типичных ошибок и даются рекомендации по их устранению, закреплению и автоматизации навыков правильного выбора лексемы, грамматической формы и т. п. Справочный материал снабжен упражнениями и ключами к ним.

Работ, посвященных частным вопросам лексики и грамматики и написанных в русле сопоставительных исследований эстонского и русского языков, довольно много²⁵. По большей части они были выполнены при кафедре русского языка Тартуского университета начиная с 60-х гг. прошлого столетия. Первые работы имели прикладной характер, в них давались практические рекомендации по обучению русскому языку как иностранному.

В 1962 г. вышла книга [Пялль, Тотсель, Тукумцев 1962], а пятью годами позже — работа [Mölder 1967], меньшая по объему и также предназначенная учителям русского и эстонского языков. Таким образом, можно сказать, что рост интереса эстонских ученых к сопоставительным исследованиям приходится на то же время, что и в других странах.

При кафедре русского языка Тартуского университета, а также в Таллинском университете разрабатывались проблемы теоретической контрастивной лингвистики. В сферу интересов ученых входили исследования по лексике, фразеологии и отдельным аспектам грамматики русского и эстонского языков.

К 1990-м гг. в центре сопоставительных исследований оказываются грамматические системы изучаемых языков, активно начинает изучаться язык диаспоры, возрождается также интерес к изучению русских диалектов Эстонии и, в частности, на влияние эстонского языка на диалектную систему.

Однако до сих пор не существует системного описания эстонского и русского языков «от формы к функции».

Мы не останавливались подробно на русско-эстонских сопоставительных исследованиях, затрагивающих частные вопросы лексики и грамматики, так как они не связаны непосредственно с темой данной работы. С другой стороны, представлялось важным охарактеризовать грамматику 1960-х гг., так как в них дано системное описание сопоставляемых языков.

3.2. Сопоставительное изучение уступительных конструкций

Интересующие нас уступительные отношения и являющиеся их репрезентантами синтаксические структуры не были описаны в эстонско-русской сопоставительной лингвистике. Существует, однако, сопоставительное исследование уступительных конструкций русского и финского языков, к характеристике которого мы переходим.

²⁵ Их обзор см. в [Külmoja 2003], где представлена также библиография, и в [Jevstratova jt 2004]. Обзор контрастивных работ по лексикологии содержится в [Langemets 2002].

Работа Ю. Паппиниеми «Функциональный контрастивный синтаксис русского и финского языков: уступительно-противительные и условно-уступительные отношения» была написана в 1992 г. в Хельсинки. Она выполнена в духе идей функционального синтаксиса, разрабатываемого проф. А. Мустайоки (см. [Мустайоки 1997, 2006]), и достаточно четко представляет эту модель в действии. Работа является собой монографическим описанием разнообразных синтаксических средств выражения уступительных отношений в русском и финском языках. Автор осуществляет системно-синтаксический анализ избранного им языкового объекта и строит его многоступенчатую классификацию.

Поскольку концепция функционального синтаксиса оперирует понятиями семантического уровня действительности и языкового уровня, на которых проявляются поверхностные структуры данного языка, автор анализируемой работы также определяет то, что скрывается за термином *уступительное значение*, т.е. предпринимает попытку «описать значение уступительного глубинного союза» [Паппиниеми 1992: 29]. Автору оказывается близкой точка зрения М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, которые видят связь между уступительными и противительными отношениями и констатируют, что понятие ‘уступительно-противительные’²⁶ отношения ‘столь же правомерно, как и ‘причинно-следственные отношения’. Ю. Паппиниеми разделяет точку зрения, высказанную в [Черемисина, Колосова 1987: 68–76], согласно которой между причинно-следственными отношениями и соответствиям ожиданиям, с одной стороны, и уступительно-противительными отношениями и несоответствием ожиданиям — с другой, можно увидеть глубокую аналогию. И те и другие отношения, будучи отношениями «логического следования», надстраиваются над следованием во времени: на основании более раннего события возникают ожидания, которые либо согласуются с более поздним событием, либо — нет. Ю. Паппиниеми разделяет также мнение В. З. Санникова о разграничении нормального и ненормального в языке [Санников 1989:

²⁶ Мы не разделяем точку зрения, согласно которой правомерно использование термина *уступительно-противительный*. Такое терминологическое решение эксплицирует деривационные отношения между причинными и уступительными отношениями, но оставляет «за кадром» отношения условия, с которыми они также тесно связаны. С другой стороны, упор на противительность — это экспликация исследовательской интуиции, которая подсказывает, что в уступительности всегда присутствует противительный компонент. Элиминирование противительного компонента равносильно элиминированию уступительности. Однако адверсативный компонент значения присутствует также в условно-уступительных отношениях. Таким образом, термины *уступительно-противительный* и *условно-уступительный* оказываются различными по объему. С другой стороны, часть универсальных уступительных конструкций также, по-видимому, следует относить к уступительно-противительным, а это может повлечь за собой терминологическую путаницу.

152–168], к которому впоследствии также неоднократно апеллировали исследователи уступительных отношений. По мнению автора анализируемой работы, точка зрения В. З. Санникова не противоречит такому пониманию ожидания, которое было описано в [Черемисина, Колосова 1987], поскольку нарушение нормального хода событий в принципе всегда является неожиданностью.

На основании сказанного, Ю. Паппиниеми выделяет уступительно-противительный глубинный союз ХОТЯ...НО, а глубинную семантическую структуру, обозначающую данный тип отношений, записывает следующим образом: { ХОТЯ [P₁] НО [P₂] }, где P₁ и P₂ представляют собой определенные глубинные предложения, ХОТЯ...НО — уступительно-противительный глубинный союз [Паппиниеми 1992: 40].

В последующих главах Ю. Паппиниеми рассматривает существующие в лингвистической литературе точки зрения на близкие к уступительным отношения, в частности, сопоставительные, определительно-квалифицирующие типа «не обращая внимания на что-либо», несобственно-уступительные, под которыми подразумеваются в первую очередь различные ограничительные отношения. Отдельно анализируются условно-уступительные отношения, в сферу действия которых включаются также обобщенно-уступительные. Последнее представляется неверным, так как не все обобщенно-уступительные (в другой терминологии — универсальные, или генерализованные) конструкции являются условно-уступительными²⁷.

Основная часть работы [Паппиниеми 1992] посвящена последовательному и очень детальному обзору средств выражения уступительно-противительных и условно-уступительных отношений в русском и финском языках с опорой на выявленные семантические связи и особенности. Классификация, предлагаемая Ю. Паппиниеми, очень дробная и развернутая. Функционально-семантическая классификация условно-уступительных отношений разработана самим автором работы. В отдельной главе рассматриваются и в свою очередь подразделяются по формальному принципу маркировки частей сложного предложения ССП. Отдельная глава посвящена сложноподчиненным, отдельная — простым предложениям. Анализу условно-уступительных предложений, выражающих разные оттенки значения, посвящена достаточно большая часть работы. Автор исходит из предположения, что существует семантический континуум «условные отношения — условно-уступительные отношения — уступительные отношения» [Паппиниеми 1992: 58]. В предложениях с условно-уступительным значением типа *Даже если Иван больной, он принимает гостей* — *Siinäkin tapauksessa, että Ivan on sairas, hän ottaa vastaan vieraita* выражается одновременно значение уступительности и значение условности. Из этого делается вывод, что условно-уступитель-

²⁷ Подробное описание и исчисление универсальных УСК см. в [Храковский 2000].

ные отношения представляют собой с семантической точки зрения переходную структуру. Если в конструкциях с условным значением определенное положение дел P_2 поставлено в зависимость от другого (только одного) положения дел P_1 («если P_1 , то P_2 »), то в конструкциях с условно-уступительным значением P_2 поставлено в зависимость от целого множества положений дел (P_{11}, \dots, P_{1n}), при наличии любого из которых P_2 имеет место [Паппиниеми 1992: 58–59].

Как было сказано выше, вместе с условно-уступительными рассматриваются также универсальные конструкции, как с альтернативно-уступительным, так и с обобщенно-уступительным значением. В сфере условно-уступительных отношений Ю. Паппиниеми различает три основные разновидности: а) условно-уступительные отношения с эксплицитно выраженным крайним условием. *Даже если будет дождь, мы поедем за город.* б) альтернативно-уступительные отношения. *Независимо от того, будет ли солнце или нет, мы поедем за город.* в) обобщенно-уступительные отношения. *Какова бы ни была погода, мы поедем за город.*²⁸ Автор выявляет интересное различие между сопоставляемыми языками в количестве средств, выражающих альтернативно-уступительные и обобщенно-уступительные отношения. Если в русском языке значительно больше средств выражения альтернативно-уступительных отношений, чем в финском, то в финском языке, напротив, значительно больше средств выражения обобщенно-уступительных отношений. По словам Ю. Паппиниеми, обычно смысловые оттенки, выражающиеся в одном языке синтаксически, в другом языке выражаются лексически [Паппиниеми 1992: 133].

Автор отмечает трудности, с которыми сталкивается исследователь, придерживающийся функционального подхода к языку. Они сопряжены, в частности, с определением границ области, подлежащей рассмотрению. Это связано с тем, что разные семантические категории пересекаются. Так, в рассмотренном Ю. Паппиниеми материале уступительно-противительные отношения пересекаются, с одной стороны, с сопоставительными, с другой, — с условно-уступительными. Во многих случаях границы между семантическими категориями не могут быть строго проведены [там же]. Автор указывает также на необходимость уточнения категории сочинения и подчинения в финском языке (ср. проблему отнесения к ССП или СПП русских предложений с двухместным союзом *хотя...но*).

Хотя не со всеми принципами классификации УСК, предложенными в обсуждаемой работе, можно согласиться, она является существенным исследованием в области контрастивного описания УСК.

Мы посвятили так много места обсуждению работы Ю. Паппиниеми по трем причинам. Во-первых, в ней последовательно реализуется подход, предлагаемый в теории функционального синтаксиса и показывающий в действии то, как эта концепция применима для сопоставительного анализа

²⁸ Ср. с [Haspelmath, König 1998] и [Храковский 2000].

разных языков. Во-вторых, нам не известно больше работ, посвященных контрастивному анализу уступительных отношений, в которых в качестве одного из сопоставляемых языков выступал бы русский. Поэтому исследование Ю. Паппиниemi представляется важным. И, наконец, проанализированная работа является рукописью, поэтому относительно мало доступна исследователям.

3.3. Концепт ‘уступительное значение’ как основа сопоставительного исследования

На необходимость изучения языка «от значения» обращал внимание еще Л. В. Щерба. Согласно выдвинутой им идее, грамматика, построенная по принципу «от формы к значению», является пассивной: она обслуживает пассивное изучение и знание (т.е. понимание) языка. Пассивная грамматика, разумеется, не способна полностью удовлетворить потребности практики в области активного изучения языка. Грамматика, отвечающая на вопрос, «как выражается та или иная мысль», называется в соответствии с концепцией Л. В. Щербы «активной грамматикой» [Щерба 1974: 56]. В противоположность пассивной грамматике, моделирующей речевую деятельность слушающего, активная грамматика моделирует речевую деятельность говорящего.

В случае сопоставительного описания двух языков необходимо выбрать основу такого описания — *tertium comparationis*. Этой основой может быть какая-либо семантическая категория или языковая структура. Выбором основы для сравнения определяется направление описания от формы к значению или от значения к форме²⁹.

В настоящем исследовании соблюдается второй подход³⁰ — за основу описания берутся семантические структуры — уступительные конструкции — выявляются средства их выражения в русском или в эстонском языке (в большей части представленных во второй части работы статей исходным языком является эстонский) и делается попытка сопоставления поверхностных языковых структур, выражающих сходное содержание. Таким образом, можно сказать, что работа выполнена в русле идей функциональной грамматики и функционально-семантических полей А. В. Бондарко. На автора оказали также влияние идеи теории функционального

²⁹ В языкознании высказывалась мысль о том, что описание в направлении от формы к значению исторически предшествует описанию от значения к форме [Храковский 1985: 67]

³⁰ Определение направления исследовательской стратегии от значения (функции) к форме или от формы к значению (функции) вынуждает принять асимметричность языкового знака, т.е. факт, что между значением и формой нет взаимно-однозначного соответствия [Карцевский 1965].

синтаксиса, разрабатываемой А. Мустайоки. Непосредственной теоретической базой работы является концепция В. С. Храковского, реализуемая в коллективной монографии «Типология уступительных конструкций».

Термин *функция* в лингвистике понимается по-разному. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю» функция единиц языка — это, во-первых, роль, употребление, назначение в человеческом общении, во-вторых, детерминированное соответствие (зависимость) единиц одного множества единицами другого множества [ЛЭС 1990: 564]. В данном исследовании под функцией понимается способность элементов языка к выполнению определенного назначения в речи. Таким образом, термин *функция* сопряжен с понятием *функционирования*, то есть реализованного проявления функции, и через последнее определяется (см., напр., Бондарко 1999, Шелякин 2001).

В данной работе при анализе УСК используется подход, предложенный В. С. Храковским и последовательно реализующийся в монографии [Типология 2004]. Согласно этому подходу за основу должен браться семантический концепт уступительности, а не его конкретные реализации, поскольку лишь семантический подход дает возможность включить в концепт ‘уступительность’ как прототипические, так и непрототипические УСК, встречающиеся в разных языках. Такой подход представляется плодотворным, поскольку дает хорошую основу для сравнения, необходимую для сравнительного изучения каких бы то ни было языковых явлений разноструктурных языков, каковыми являются русский и эстонский. «Если мы хотим поставить в соответствие уступительному концепту любые УСК, встречающиеся в разноструктурных языках, как прототипические, так и непрототипические, то мы должны опираться только на семантическое (выделено мною — *К. К.*) определение концепта, при условии, что он не является семантическим примитивом» [Храковский 2004: 24]. То, что уступительный концепт семантическим примитивом не является, представляется вполне очевидным. Концепт ‘уступительное значение’ формируется на базе концептов ‘причинное значение’, ‘условное значение’ и ‘противительное значение’. Таким образом, он является родовым, который реализуется в виде концептов ‘причинно-уступительное значение’ и ‘условно-уступительное значение’. При этом последний представлен двумя разновидностями: выполнимое и невыполнимое условно-уступительное значение. Подробнее об этом см. на стр. 32.

4. Основные результаты исследования

Далее кратко охарактеризуем результаты исследования, представленные во второй части данной работы.

В [П1] рассматриваются средства выражения уступительности в эстонском языке. Ко времени написания этого исследования работ, посвящен-

ных изучению уступительных отношений в эстонском языке, было считаное количество и все они ограничивались характеристикой сложноподчиненных предложений. Поэтому перед нами стояла непростая задача. Возможно, какие-то из положений, приводимых в описываемой работе, можно было бы уточнить, но здесь мы приведем полученные нами результаты.

Для эстонского языка релевантно деление УСК на собственно уступительные конструкции (УсК), условно-уступительные конструкции (УУК) и генерализованные УСК. Центр УСК образуют сложноподчиненные предложения с союзом *kuigi*, которые мы считаем прототипическими.

Разные авторы выделяют разное количество уступительных союзов. Опираясь на имеющиеся исследования и собственные наблюдения, мы выделяем их около 30. Такое большое количество уступительных союзов обусловлено, на наш взгляд, тем, что в эстонском языке существует определенный набор служебных слов, имеющих уступительное значение. Эти средства могут вступать в различные комбинации друг с другом и порождают тем самым «новые» уступительные союзы (подробнее об этом см. в [П2]). В настоящей работе мы сделали попытку сгруппировать их в зависимости от «стержневого» слова, образующего каждую из групп. В предлагаемый список входят лишь союзы, оформляющие УсК и УУК. Поскольку генерализованные УСК обладают специфическими средствами связи, эти средства в предлагаемый список не включены, тем более что строятся они по аналогичной схеме.

Прототипически уступительная семантика в эстонском языке выражается в сложноподчиненном предложении, ЗЧ которых вводится уступительным союзом.

С точки зрения линейного синтаксиса в УСК, оформленных как СПП, реализуются три из логически возможных четырех вариантов порядка следования частей: ЗЧ либо предшествует ГЧ, либо следует за ней, либо вклинивается в ГЧ. В случае постпозитивной ЗЧ субъект в ГЧ инвертируется и линейно следует за глаголом. Примеры: *Kuigi tähed ise olid täiesti tundmatud, mõistis võlur kirja. Võlur mõistis kirja, kuigi tähed ise olid täiesti tundmatud. Võlur, kuigi tähed ise olid täiesti tundmatud, mõistis kirja.*

Для эстонских УСК характерен параллелизм временных форм глагола ГЧ и ЗЧ. Любые комбинации разных форм времени в ЗЧ и ГЧ являются маргинальными.

Чаще других форм прошедшего времени употребляется имперфект, так как он не обладает какими-либо дополнительными смысловыми оттенками и лишь относит описываемые события к плану прошедшего. Аналитические формы прошедшего времени обладают более сложной, комплексной семантикой по сравнению с синтетической. Так, перфекту в УСК присуще значение результативности. Употребляя предложение с перфектом, автор акцентирует связь событий с моментом речи, а также наличие или отсутствие результата. Плюсquamперфект выступает в своей системной

функции предпрошедшего времени, указывая на события, происходившие до момента речи или до другого действия в прошлом. Предложения с плюсквамперфектом характеризуются дополнительными оттенками незначения, неточного знания или скрытого автором знания того, как обстоят дела в момент произнесения УСК. Так как смысл любой УСК сам по себе образуется из комплекса значений, то какие-либо дополнительные смысловые элементы еще усложняют ее.

Поскольку отнесенность действий к плану и настоящего, и будущего выражается в эстонском языке формой презенса, то отнесенность к будущему всегда поддерживается лексическими и / или синтаксическими средствами, либо логикой следования событий.

К числу непрототипических УСК в эстонском языке относятся конструкции, оформленные как сложносочиненные предложения (ССП), осложненные предложения (ОП), простые предложения или формально самостоятельные предложения, образующие сверхфразовое единство.

Вопрос о наличии в эстонском языке УСК, выраженных ССП, следует считать дискуссионным. Решение во многом зависит от того, как мы будем рассматривать взаимоотношения между уступительными и противительными конструкциями; последние оформляются как ССП. Если во вторую часть противительной конструкции вводятся уступительные частицы (напр., *siiski*, *ometi(gi)*, *ikka(gi)*), то акцент перемещается с противительного союза на уступительную частицу как прагматически более сильный элемент, и вся конструкция в целом приобретает статус уступительной. Частицы могут быть введены только в ту противительную конструкцию, которая может иметь уступительное значение и без них.³¹ Существенно обратить внимание на то, что в при наличии уступительной частицы противительный союз может быть заменен на соединительный: *Ta töötas püüdlisult, kuid / ja ometi ei suutnud ta plaani täita.*

К числу УСК, выражаемых ССП относятся также конструкции с парными соединительными союзами. Вместо противительного может быть употреблен также соединительный союз: *Ei ta joo, ei ta suitseta, ei ta riku abielu, aga / ja ikka tahab naine teda maha jätta.*

Третий тип УСК, оформляемых как ССП, — это конструкции, в первой части которых употребляется усилительно-уступительная частица *küll*, во второй — противительный союз. В этом типе конструкций замена адверсативного союза на соединительный невозможна: *Poiss oli küll seda raamatut lugenud, kuid ei mäletanud sellest suurt midagi.* Такие предложения, по нашим наблюдениям, достаточно часто встречаются в текстах, но в известных нам источниках в качестве уступительных не интерпретируются.

³¹ Ср. «но ненормального следствия» в работе [Санников 1989], обсуждавшееся выше.

И, наконец, последний тип ССП, в ЗЧ которого содержится частица *ju*, в ГЧ — один из противительных союзов: *Seadustes on ju kõik kirjas, aga nad ei toimi*.

К числу ОП, выражающих уступительные отношения, относятся предложения с герундивом. Их специфика состоит в том, что в ГЧ обычно содержится какое-либо уступительное слово. Глагольная форма занимает в ЗЧ линейно либо первую, либо последнюю позицию. Например: *Hirmutavat sõnumit kuuldes / Kuuldes hirmutavat sõnumit, läksid nad siiski edasi*.

Уступительное значение может также выражаться в простом предложении с обстоятельством. Мы относим предложения с инфинитивными формами *vaatamata*, *hoolimata*³² к простым с обстоятельством уступки. Таким образом, в простых предложениях обстоятельство уступки может быть выражено следующими способами:

1) существительным с пропозитивным значением или анафорическим местоимением в элативе + абессив супина глагола *hoolima*: *Õhtul laagrisse jõudes olid mehed väsimusest hoolimata elevil*.

2) существительным с пропозитивным значением или анафорическим местоимением в аллативе + абессив супина глагола *vaatama*: *Ent vaatamata sellele näis mees ometi tusane*.

3) существительным с пропозитивным значением в генитиве с послелогом *kiuste*: *Tormi kiuste mindi merele*.

4) фразеологическим единством *vastu (kellegi) ootust, kõige parema tahtmise juures* и др.: *Ta ei ole saanud ka kõige parema tahtmise juures mind aidata*.

5) частицами *ka, isegi, siiski, -ki*: *Ka / isegi halva ilmaga tulevad kõik välja*.

В простом предложении уступительное значение выражается теми же частицами и наречиями, которые функционируют в сложных предложениях. Специфика простого предложения заключается в том, что если в ССП частица (или наречие) — факультативный компонент, поддерживающий уступительное значение, то в простом предложении она является единственным показателем уступительности, который нельзя опустить, не изменив всего смысла высказывания. При этом важно отметить, что в простом предложении уступительная семантика создается только в совокупности с пресуппозицией.

Относительно редко УсК могут выражаться двумя формально самостоятельными предложениями, которые расположены контактно.

³² Необходимо сделать следующее замечание. Глагольные формы *vaatamata* и *hoolimata* в современном эстонском языке грамматикализуются и переходят в предлоги (или послелоги). Об этом свидетельствует, в частности, непоследовательность употребления запятой в предложениях с обстоятельством уступки, выраженным этими формами. (См. об этом в работе [Uuspõld 2001]). Повидимому, можно говорить о процессе, аналогичном тому, который прошел русский предлог *несмотря на*, возникший из деепричастия НСВ.

Маркером уступительности обычно служит уступительное слово, содержащееся во втором предложении: *Vana Räägu Rein ei käinud tõesti mitte kunagi mõisas vargil. Küll ei pannud ta kätt ette, kui mõni läks moonatretille mõne naabri aita või sahvrisse.*

УСК, выражаемые бессоюзным ССП, являются периферийными. Мы рассматриваем их отдельно от других типов ССП, потому что в них средства выражения уступительности сходны со средствами, представленными в простых или формально самостоятельных предложениях — в бессоюзных ССП уступительность выражается рассмотренными выше частями и наречиями. Напр., *Suuga teeb suure linna, käega ei kärbsesagi.*

Условно-уступительные конструкции делятся на потенциальные и ирреальные.³³ Формально эти конструкции реализуются только как сложноподчиненные предложения. Выражение УУК ограничено небольшим количеством союзов (*isegi (siis) kui* и синонимичное ему сочетание союза *kui* и частицы *-ki*, присоединяющейся к финитному глаголу ЗЧ) и определенными формами глагола: в подтипе ирреальных УУК функционируют лишь формы кондиционала финитного глагола.

В генерализованных УСК употребляются специфические союзные средства, не характерные для других типов (ЕКГ относит генерализованные УСК к типу *olenemata*). В роли союза, вводящего придаточное предложение, в них употребляется вопросительная частица *kas*, которая может функционировать изолированно, но чаще употребляется в сочетании с другими уступительными словами — *ükskõik, tahes, iganes* частицей *ka*, а также энклитической частицей *-ki*, присоединяющейся к глаголу.

В семантическом плане генерализованные УСК не являются однородными. С одной стороны, в их число входят конструкции, которые можно охарактеризовать как итеративные (*Lõppegu asi kuidas tahes, halb mulje jääb ikkagi*), с другой — конструкции, в которых обозначается высокая степень признака или интенсивность действия, выражаемого в ЗЧ: *Ükskõik kuidas ma ka ei pingutaks, tööd ma valmis ei jõua.*

Слова, вводящие ЗЧ итеративных УСК, лишены конкретной референции. Это же относится к конструкциям (итеративным и неитеративным), в которых может быть употреблено слово *ükskõik* — оно обозначает совокупность отдельных представителей участников ситуации, которые лишены конкретной референции.

Для всех типов УСК характерно «дублирование» или «усиление» уступительной семантики при помощи частиц в ГЧ конструкции. В маргинальных типах УСК уступительные частицы являются обязательными компонентами структуры. Таким образом, можно утверждать, что слова с

³³ Ср. аналогичное деление условных конструкций в [Кюльмоя 1998].

сильным прагматическим потенциалом выражают уступительное значение.

В работе [П2] предпринята попытка исчисления эстонских уступительных союзов. Как известно, союз — это «класс служебных слов, оформляющий синтаксические связи предложений и синтаксические связи слов. <...> Однако, указывая на наличие связи, союз одновременно выполняет квалифицирующую функцию: обозначает содержательные отношения между связываемыми единицами (выделено мною — *К. К.*) [ЛЭС 1990: 484]. Из сказанного явствует, что уступительный союз должен квалифицировать содержательные отношения между связываемыми единицами как ‘противоречащие ожиданиям’. Уступительные предложения выделяются всеми грамматиками эстонского языка, следовательно, можно предположить, что основные оформляющие их языковые средства должны быть выявлены. Анализ существующих грамматик и отдельных статей, посвященных уступительным предложениям, позволил составить списки уступительных союзов. В [П2: 157] приводятся два списка, которые не совпадают ни качественно, ни количественно.

Были рассмотрены все выявленные списки уступительных союзов, которые были дополнены данными толкового словаря [EKSS 1988–]. В результате мы пришли к выводу, что эстонский язык, по-видимому, обладает некоторым набором служебных слов, которые могут различным образом комбинироваться друг с другом, образуя «новые» уступительные союзы. В пользу высказанного предположения свидетельствуют выделяемые разными авторами различные наборы уступительных союзов, состоящие из сходных элементов, а также найденные в текстах примеры.

В [П3] предлагается одно из возможных уточнений специфики уступительных отношений в рамках ФСП обусловленности.

В работе характеризуются точки зрения на уступительные отношения, существующие в русской и эстонской грамматических традициях [П3: 117–119] и делается вывод, что и в русском, и в эстонском языках уступительные конструкции выделяются в отдельный класс, имеющий специфические формальные и семантические особенности.

Далее рассматриваются некоторые исследования, посвященные изучению уступительных отношений, в частности, [Апресян 1999; 2004, König 1991, Храковский 2004] и выделяется фигура говорящего, которая присутствует в новейших описаниях концепта ‘уступительное значение’. Так, например, в работе [Храковский 2004: 24] говорится, что «установление именно этого отношения (обратной импликации) между двумя пропозициями принадлежит говорящему, и тем самым оно субъективно» (выделено мною — *К. К.*). Субъективный характер связи между пропозициями составляет, на наш взгляд, еще один дифференциальный признак, отличающий уступительные отношения (или в другой терминологии — отношения обратной импликации) от других ти-

пов имплицитивных отношений. Суть этого признака заключается в том, что, связывая две ситуации в рамках уступительных отношений, говорящий всегда высказывает свою, субъективную точку зрения. Сама связь между пропозициями также всегда субъективна. Важно также, что, употребляя УСК, говорящий всегда оц е н и в а е т связь между событиями как нарушающую какие-то нормы. [ПЗ: 121–122].

С другой стороны, очевидно, что связь между пропозициями в предложении всегда устанавливает говорящий и в этом смысле она всегда субъективна. Однако, с одной стороны, существуют события, которые говорящий может контролировать, с другой, — события, которые неподвластны контролю со стороны человека, например, явления природы. Именно этот, второй тип событий, как правило, не может быть объединен в УСК. У каждого из нас есть представления о том, как устроен мир, и хотя говорящий может объединять в рамках УСК две пропозиции, существующие в реальной действительности, выражая тем самым свою субъективную точку зрения на них, это не означает, что уступительная связь между событиями существует в объективном мире, в котором действуют законы физики. Именно в этом смысле УСК являются субъективными, ментальными построениями. Далее высказанная гипотеза иллюстрируется примерами и делается вывод, что субъективность связи между событиями в УСК обусловлена нашими знаниями о мире или «общими принципами, отражающими мироощущение человека» [Санников 1989: 156].

К сказанному хотелось бы добавить некоторые комментарии. В [ПЗ] говорится, в частности, о том, что в УСК не могут быть объединены ситуации, не контролируемые говорящим и приводятся следующие примеры причинной и условной конструкции, которые комментируются (см. также [ПЗ: 123–124]):

К утру лужи замерзли, так как температура воздуха упала ниже нуля.

Если ночью температура воздуха упадет ниже нуля, лужи замерзнут.

В принципе возможна также уступительная конструкция типа:

Хотя ночью температура воздуха упала ниже нуля, лужи не замерзли.

Последний пример принципиально отличается от первых двух. Его можно было бы интерпретировать как семантически некорректный, так как минусовая температура всегда обуславливает замерзание луж. Это закон физики, неподвластный воле человека. Однако можно также предположить, что говорящий обладает какой-то дополнительной информацией, не выраженной в этом предложении, оставшейся «за кадром». Эта информация является в таком случае «превосходящей» причиной, каузирующей незамерзание луж, несмотря на падение температуры. Иными словами, говорящему известны какие-то причины, из-за которых лужи не замерзли. Каковы эти причины, можно только догадываться. Например, говорящий может знать, что ночью улицы города были посыпаны противогололедным реагентом, не дающим воде замерзать при минусовой температуре. Так или иначе, мы имеем дело с некоторой «закадровой»

информацией, которая достаточно часто встречается в УСК. Ср. в этой связи, например, уступительные предложения со словом *даже*. Напр., *Даже Сергей не пришел на занятие*. Интерпретируя такое предложение как уступительное, мы непременно должны учитывать пресуппозицию, или информацию «за кадром». Необходимо учитывать дополнительные, неэксплицированные знания говорящего о том, что Сергей обычно занятия не пропускает. При этом он предполагает, что об этом знает и адресат. На фоне этого общего для коммуникантов фонового знания выражается удивлению по поводу отсутствия Сергея на занятии.

Возвращаясь к нашим примерам, можно сказать, что, во-первых, в приведенном уступительном предложении выражена известная говорящему, но неэксплицированная «превосходящая» причина, препятствующая замерзанию луж при минусовой температуре. Однако очевидно, что хотя ситуация не контролируется говорящим, она контролируется какими-то другими людьми. Необходимое уточнение сводится к следующему: в уступительной конструкции не могут быть объединены ситуации, неподвластные контролю со стороны человека, необязательно говорящего.

В [П4] анализируются некоторые имеющиеся классификации уступительных предложений и уступительных ситуаций. Мы исходим из посылки, что для сопоставления разноструктурных языков, каковыми являются русский и эстонский, необходима классификация, построенная на семантических параметрах.³⁴

В частности, рассматриваются категориальные ситуации уступительности, выделяемые В. Б. Евтюхиным, семантическая субкатегоризация уступительных ситуаций Р. М. Теремовой, а также классификация, содержащаяся в «Грамматике современного русского литературного языка». По результатам анализа выделяются формально-семантические группы уступительных конструкций, которые можно обнаружить в русском языке.

Далее анализируется классификация уступительных предложений, предлагаемая грамматикой эстонского языка [EKG 1993, II: 308–309]. Делается вывод, что деление уступительных предложений на формально-семантические типы проводится недостаточно последовательно.

Рассмотренный языковой материал позволяет заключить, что классификация, основанная на семантических параметрах и выводимая из материала русского языка, применима и для анализа эстонских УСК.

В [П5] рассматриваются некоторые типы эстонских УСК, оставшихся вне поля зрения исследователей, и выявляются их русские эквиваленты. Констатируется, что уступительная семантика может выражаться во всех формальных синтаксических типах предложений — в сложноподчиненном, сложносочиненном (в том числе бессоюзном), осложненном и

³⁴ Ср. требования, предъявляемые к типологически ориентированным многомерным классификациям в [Храковский 1998: 80 и след.].

простом предложении, а также в сверхфразовом единстве. Эстонская грамматика относит к уступительным лишь сложноподчиненные предложения.

Аналізу подвергнуты ССП с уступительной семантикой. Показано, что с точки зрения прагматического потенциала они не уступают прототипическим СПП, так как употребляемые в их составе уступительные частицы — прагматически сильные слова. Во вторую часть конструкции с противительным союзом может быть включена уступительная частица, конструкция приобретает в таком случае статус уступительной. В таких конструкциях противительный союз может быть заменен на соединительный, так как прагматический потенциал уступительной частицы настолько высок, что она не нуждается в семантической поддержке адверсативного союза.

В грамматике эстонского языка [ЕКГ 1993, II: 279] выделяется особый тип противительных конструкций — противительно-уступительные, вторая часть которых вводится уступительной частицей. Таким образом, правомерно говорить о выражении уступительного значения в ССП.

Далее анализируются УСК, в первой части которых содержится уступительно-уступительная частица *kiill*, во второй — противительный союз. Такие конструкции, несмотря на довольно высокую частотность, в качестве уступительных в эстонской грамматике не рассматриваются. В этом типе предложений замена противительного союза на соединительный невозможна. Делается вывод, что соединение *kiill...kuid* — не просто сочетание частицы и союза, а самостоятельный уступительный союз [П5: 51–55].

Прагматически конструкция с таким союзом сближается с УСК, выраженной СПП с препозитивной придаточной частью. На наш взгляд, это связано с линейным расположением «уступительных» элементов: чем раньше адресат слышит (или видит) «сигнал» уступительности, тем лучше он оказывается подготовленным к тому, что речь пойдет о несовместимости двух ситуаций, которые, тем не менее, сосуществуют³⁵. Когда уступительный союз вводит вторую часть предложения, адресат вынужден определенным образом переосмыслить полученную ранее информацию. Если же уступительный союз расположен в абсолютном начале предложения, адресат сразу же воспринимает информацию «правильно», т.е. он настроен на то, что речь пойдет о каком-то нарушении нормы. Поэтому

³⁵ Ср. в [Урысон 2005] тезис об инерционности человеческого сознания. «В одних случаях «ожидание» представляет собой мнение субъекта о том, какая ситуация в норме должна иметь место при данных условиях; такое «ожидание» формируется на основе общих знаний о мире. В других случаях «ожидание» не имеет отношения к знанию; оно представляет собой некую настроенность на восприятие определенной информации и обусловлено инерционностью человеческого сознания» (выделено мною — К. К.) [Урысон 2005: 1].

мы полагаем, что эстонские УСК с двухместным союзом *küll...kuid* в прагматическом плане находятся между СПП с препозитивной и СПП с постпозитивной ЗЧ.

Далее рассматриваются бессоюзные ССП и простые предложения. И те и другие относятся к периферии выражения уступительных отношений. Русские эквиваленты бессоюзным ССП могут быть разными [П5: 57–58]. Прагматически они характеризуются ослаблением уступительности.

Семантика описываемых в [П5] простых предложений толкуется по [Апресян 2005: 271]: «понимая, что иметь желаемое невозможно, субъект (часто сам говорящий) хочет или готов иметь меньшее Р, обладание которым более вероятно». Иными словами, в рассматриваемых конструкциях выражается некий компромисс, на который говорящий готов пойти ради обладания частью желаемого. Показано, что такое толкование применимо и к эстонским уступительным словам *vähemalt, kas või* и энклитической частице *-ki*. Предложения с рассматриваемыми компонентами ранжируются по степени того, на какие уступки готов пойти говорящий ради получения желаемого [П5: 59–60].

В [П6] анализируются УСК с одноместным и двухместным союзом (*хотя...но*) и делается попытка выявления их функциональных эквивалентов в эстонском языке. Выясняется, что союз *хотя* может иметь в эстонском языке достаточно большое количество соответствий. Это обусловлено широкой семантикой и нейтральностью *хотя* [П6: 106–108].

Конструкции с комбинацией уступительного и противительного союзов отличаются от конструкций с уступительным союзом фиксированным следованием частей. Показывается, что эстонские соответствия русским УСК с двухместным показателем связи, как правило, бывают оформлены при помощи двухместного союза *küll...kuid* или его аналогов (*küll...(kuid) ometi, küll...(kuid) siiski*) и под.

В статье обсуждаются также возможности линейного расположения частей СПП с придаточным уступительным. Анализ примеров показывает, что наибольшим прагматическим потенциалом обладают конструкции с препозитивной придаточной частью. Маркированной в смысловом отношении оказывается интерпозиция ЗЧ, которая характеризуется как добавочное, менее важное сообщение; в письменном тексте она может заключаться в скобки [П6: 106–107].

В [П7] рассматриваются УСК эстонского языка, оформленные как ССП, анализируется их формальная структура и семантические особенности и даются функциональные эквиваленты в русском языке. Грамматика эстонского языка оставляет вопрос о формально-синтаксическом статусе ССП с противительным союзом и фиксированным следованием частей открытым [П7: 177].³⁶ Отмечается, что в качестве уступительных

³⁶ Ср. в РГ-80 о непричислении предложений с уступительным и противительным союзами ни к СПП, ни к ССП.

можно рассматривать такие адверсативные конструкции, которые сами по себе (без дополнительных лексических средств) могут иметь уступительное прочтение. Рассматриваются семантические сдвиги, которые происходят при включении в адверсативные конструкции слов с уступительной семантикой.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что «дублирование», «нанизывание» «уступительных элементов» характерно как для русского, так и для эстонского языка. Это объясняется тем, что в уступительной конструкции речь идет о сосуществовании положений дел, которые с точки зрения говорящего нормально не должны сосуществовать, а любая аномалия всегда нуждается в большем привлечении внимания, чем нормальный ход событий. Поэтому ситуация, когда в пределах одной УСК встречается сразу несколько языковых единиц, указывающих на уступительность, вполне естественна [П7: 179].

В [П8] рассматриваются условно-уступительные конструкции эстонского языка, которые сопоставляются с УУК русского языка. Отмечается, что если собственно уступительные конструкции могут иметь разное синтаксическое выражение, то УУК выступают только как СПП как в русском, так и в эстонском языке. Среди УУК выделяются потенциальные и ирреальные. Выявляются формальные особенности финитных глаголов в ГЧ и ЗЧ УУК: использование форм наклонения и времени. Отдельно рассматриваются предложения с квазимперативом.

Объектом анализа [П9] является один тип простых предложений эстонского языка. Это предложения, в которых функционирует слово *kiuste* ('назло', 'нарочно', 'наперекор'). Выясняется, с одной стороны, каковы эквиваленты этих предложений в русском языке, с другой, — все ли предложения со словом *kiuste* являются уступительными. Для решения поставленных вопросов привлекаются данные толкового словаря эстонского языка [ЕКСС], а также эстонско-русского словаря и Малого академического словаря русского языка. Выясняется, что слово *kiuste* выступает в двух основных функциях — наречия и послелого.

Анализ толкований и примеров, почерпнутых в словарных статьях и найденных в текстах, позволяет сделать вывод, что уступительный смысл предложения со словом *kiuste* выражают в тех случаях, когда оно выступает в функции послелого. Показано, что в функции наречия слово *kiuste* имеет семантику целеполагания, намеренного совершения каких-то действий, следовательно, уступительное значение в нем реализоваться не может, поскольку уступительные ситуации с ситуациями цели ни смысловыми, ни деривационными отношениями не связаны, а смыслы, выражаемые в них, между собой не сочетаются. Выявляется также, что в случаях, когда concessивная семантика не реализуется, тот, кому назло совершаются какие-то действия, является одушевленным субъектом. Если же предложение приобретает уступительный смысл, тот, кому «назло» что-то делается, оказывается неодушевленным объектом: *Ta tegi seda Mari kiuste.*

(Он(а) сделал(а) это, чтобы досадить Мару.) *Tormi kiuste mindi merele.* (Несмотря / невзирая на шторм лодки выжили в море). Выдвигается предположение, что в процессе грамматикализации слово *kiuste* утрачивает дифференциальные семы своего значения, на передний план выдвигается интегральная сема, обозначающая нечто негативное. В УСК со словом *kiuste* чаще всего речь идет о сопротивлении каким-то внешним силам, неподвластным воле человека, вопреки которым совершаются какие-то действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью исследования было выявление основных типов конструкций, которые в эстонском языке могут выражать уступительную семантику, а также нахождение их функциональных эквивалентов в русском языке. Для этого было определено понятие уступительных конструкций, уточнена классификация уступительных конструкций, имеющаяся в грамматике эстонского языка, и проведено сопоставление имеющихся в русистике классификаций уступительности. Была разработана классификация на основе принятого в функциональной грамматике ономаσιологического подхода в соответствии с требованиями сопоставительного исследования разноструктурных языков.

Были обнаружены основные способы выражения концепта 'уступительное значение' в эстонском языке. Так как в русистике имеется богатая традиция изучения уступительных отношений, то основные средства их выражения в русском языке можно считать выявленными.

На наш взгляд, для эстонского языка релевантно деление уступительных конструкций на собственно уступительные, условно-уступительные, делящиеся на потенциальные и ирреальные, и генерализованные уступительные конструкции, которые в свою очередь можно разделить на итеративные и выражающие высокую степень признака или интенсивность действия. Центр уступительных конструкций образуют сложноподчиненные предложения с союзом *kuigi*. Выявлены возможные и запрещенные комбинации временных форм в зависимой и главной части уступительных конструкций, рассмотрено употребление форм наклонений, линейное расположение частей сложного предложения, таксисные отношения в уступительных конструкциях, а также прагматический эффект, создаваемый взаимным расположением главной и зависимой части.

Выделены формально-синтаксические типы конструкций, в которых может быть выражено уступительное значение. Так, выяснилось, что в качестве собственно уступительных конструкций могут функционировать сложноподчиненные предложения, сложносочиненные предложения (в том числе бессоюзные), осложненные предложения, простые предложения и сверхфразовые единства. Условно-уступительные конструкции пред-

ставлены как в эстонском, так и в русском языке только сложноподчиненными предложениями с ограниченным количеством союзов. В генерализованных уступительных конструкциях функционируют специфические средства связи, не характерные для других типов уступительных конструкций. Генерализованные уступительные конструкции оформляются как сложные предложения.

Выявлены средства связи, характерные для эстонских собственно уступительных и условно-уступительных конструкций. По-видимому, можно говорить о том, что в эстонском языке существует определенный набор служебных слов, имеющих уступительное значение. Эти средства могут вступать между собой в различные комбинации, порождая «новые» уступительные союзы. На основе этих комбинаций возможно создание исчисляющей классификации уступительных союзных средств эстонского языка.

Обнаружено, что как для эстонского, так и для русского языка характерно «усиление» уступительного значения, которое достигается за счет дублирования «уступительных» слов в пределах одной конструкции. Этим достигается, с одной стороны, усиление прагматического эффекта, с другой, — минимизируется возможность коммуникативной неудачи. «Нанизываемая» слова с уступительной семантикой, говорящий добивается тем самым адекватного понимания: в пределах конструкции сосуществуют ситуации, которые, по мнению говорящего, нормально сосуществовать не должны. Прагматический эффект уступительной конструкции тем выше, чем раньше в ней встречается «уступительное» слово.

Так как целью работы не являлось детальное описание всех средств выражения уступительности и всех типов уступительных конструкций эстонского и русского языков, то генерализованные, или универсальные, уступительные конструкции не были включены в качестве отдельного объекта исследования. Это обусловлено тем, что они обладают как формальной, так и содержательной спецификой, поэтому их подробное описание является отдельной большой темой. Представляется продуктивной попытка их изучения, учитывающая подходы, предложенные в [Haspelmath, König 1998] и в [Храковский 2000].

Таким образом, в диссертации уточняется семантика уступительных конструкций и их место в системе конструкций обусловленности. Впервые представлено отсутствовавшее до сих пор в лингвистических исследованиях сопоставительное изучение уступительных конструкций в эстонском и русском языках. С этой целью системно описаны уступительные конструкции эстонского языка, выявлены их функциональные эквиваленты в русском языке. Представлена семантическая классификация эстонских уступительных конструкций и выявлены формально-синтаксические типы их репрезентации, в том числе определен набор коннекторов, реализующих уступительное значение в эстонском языке. Установлены также основные варианты их сочетаемости.

Результаты исследования могут быть использованы в теоретических описаниях «от функции к форме» эстонского и русского синтаксиса, а также в практике преподавания русского и эстонского языков в качестве иностранных.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. М.
- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. О языке толкований и семантических примитивах. Ю. Д. Апресян. *Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.
- Апресян 1999 — В. Ю. Апресян. Уступительность в языке и слова со значением уступки. *Вопросы языкознания*. № 5, с. 24–44.
- Апресян 2000 — В. Ю. Апресян. Синонимический ряд ВСЕ-ТАКИ 1, ВСЕ ЖЕ 1, ВСЕ РАВНО 3, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ 2. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М.
- Апресян 2003 — В. Ю. Апресян. Синонимический ряд ХОТЯ 1, ХОТЬ 1, НЕСМОТРИ НА ТО ЧТО, НЕВЗИРАЯ НА ТО ЧТО. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. Вып. 3. М.
- Апресян 2004 — В. Ю. Апресян. Уступительность: языковые связи. *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой*. М., с. 255–266.
- Апресян 2005 — В. Ю. Апресян. Трехвалентные уступительные слова. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Apresjan/Apresjan.pdf> (дата последнего просмотра: 19.11.2006)
- Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. М.
- Богомолова 1955 — А. В. Богомолова. *Уступительные конструкции с союзом хотя (хоть) в современном русском литературном языке*. АКД. Л.
- Бондарко 1990 — А. В. Бондарко. Интерпретационный компонент языковых значений и понятие эквивалентности в сопоставительной лингвистике. *Zeitschrift für Slawistik*. Band 35, Berlin, S. 482–487.
- Бондарко 1999 — А. В. Бондарко. *Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени*. СПб.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. *Языковая концептуализация мира*. М.
- Васильева 1972 — А. Н. Васильева. *Частицы русской разговорной речи*. М.
- Вежбицкая 1996 — А. Вежбицкая. *Язык. Культура. Познание*. М.
- Виноград 1983 — Т. Виноград. К процессуальному пониманию семантики. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XII. М., с. 123–170.
- Гак 1988 — В. Г. Гак. *Русский язык в сопоставлении с французским*. М.

- Георгиева 1968 — В. Л. Георгиева. *История синтаксических явлений русского литературного языка*. М.
- Евтюхин 1996 — В. Б. Евтюхин. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка. *Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность*. СПб., с. 138–174.
- Евтюхин 1997 — В. Б. Евтюхин. *Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий*. СПб.
- Историческая грамматика 1979 — *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение*. Под ред. В. И. Борковского. М.
- Карцевский 1965 — С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В кн.: В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. 2. М., с. 85–90.
- Корди 1999 — Е. Е. Корди. Классификация сложноподчиненных предложений с обстоятельственным придаточным и место в ней уступительных предложений. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II. Прагматический аспект исследования языка*. Тарту, с. 68–79.
- Кюльмоя 1998 — И. П. Кюльмоя. Условные конструкции в эстонском языке. *Типология условных конструкций*. Под ред. В. С. Храковского. СПб., с. 350–370.
- Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003 — И. П. Кюльмоя, Э. А. Вайгла, М. Солль. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту.
- Лавров 1941 — Б. М. Лавров. *Условные и уступительные предложения в древнерусском языке*. Л.
- Ляпон 1986 — М. В. Ляпон. *Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений*. М.
- ЛЭС 1990 — *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.
- Мальчуков 2004 — А. Л. Мальчуков. Наблюдения над семантикой и типологией противительных конструкций. *Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию профессора В. С. Храковского*. М., с. 268–283.
- Мустайоки 1997 — А. Мустайоки. Возможна ли грамматика на семантической основе? *Вопросы языкознания* № 3, с. 15–25.
- Мустайоки 2006 — А. Мустайоки. *Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам*. М.
- Николаева 1985 — Т. М. Николаева. *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*. М.
- Николаева, Фужерон 1999 — Т. М. Николаева, И. Фужерон. Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами. *Вопросы языкознания*. № 1.
- Павлюченкова 1990 — Н. Ф. Павлюченкова. Семантико-структурное развитие уступительных сложноподчиненных конструкций. *Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика*. М., с. 85–93.
- Паппиниеми 1992 — Ю. Паппиниеми. *Функционально-контрастивный синтаксис русского и финского языков: Уступительно-противительные и условно-уступительные отношения*. Хельсинки. Рукопись.
- Паршин 1988 — П. Б. Паршин. Уступка и антиуступка в деонтическом диалоге: (функционирование лексемы *хоть*). *Логический анализ языка: Референция и проблемы текстообразования*. М., с. 146–168.

- Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. М.
- Подлеская 1995 — В. И. Подлеская. Импликативные конструкции: некоторые проблемы типологической классификации. *Вопросы языкознания*. № 6.
- Пялль, Тотсель, Тукумцев 1962 — Э. Н. Пялль, Э. Я. Тотсель, Г. Р. Тукумцев. *Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка = Eesti ja vene keele kõrvutav grammatika*. Тарту.
- РГ-80 — *Русская грамматика*. Т. I–II, М.
- Санников 1989 — В. З. Санников. *Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис*. М.
- Спринчак 1964 — Я. А. Спринчак. *Очерк русского исторического синтаксиса*. Ч. 2. Киев.
- Стеценко 1977 — А. Н. Стеценко. *Исторический синтаксис русского языка*. М.
- Теремова 1986 — Р. М. Теремова. *Семантика уступительности и ее выражение в современном русском языке*. Л.
- Теремова 1987 — Р. М. Теремова. К вопросу о субкатегоризации уступительных ситуаций в современном русском языке. *Грамматическая семантика слова и предложения*. Уч. зап. ТУ. Труды по русской и славянской филологии. Тарту.
- Типология 2004 — *Типология уступительных конструкций*. Под ред. В. С. Храковского. СПб.
- Урысон 2001 — Е. В. Урысон. Союз *ЕСЛИ* и семантические примитивы. *Вопросы языкознания*. № 4.
- Урысон 2002 — Е. В. Урысон. Союз *хотя* сквозь призму семантических примитивов. *Вопросы языкознания*. № 6, с. 35–54.
- Урысон 2003 — Е. В. Урысон. Семантическая и валентная структура слов с уступительным значением. *Русский язык в научном освещении*. № 2 (6). М., с. 217–246.
- Урысон 2005 — Е. В. Урысон. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание». <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/Uryson%20E/UrysonE.pdf> (дата последнего просмотра: 19.11.2006)
- Урысон 2006 — Е. В. Урысон. Подсистема русских сочинительных союзов и, а, но. <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/pdf/Uryson.pdf> (дата последнего просмотра: 19.11.2006)
- Фужерон 1998 — И. Фужерон. Не заблудиться бы в трех «хотя». *ИАН СЛЯ*. № 3.
- Храковский 1985 — В. С. Храковский. Типы грамматических описаний и некоторые особенности функциональной грамматики. *Проблемы функциональной грамматики*. М.
- Храковский 1998а — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций: (семантика, исчисление, типология). *Типология условных конструкций*. Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.
- Храковский 1998б — В. С. Храковский. Уступительные предложения в системе импликативных конструкций. *Общее языкознание и теория грамматики*. СПб., с. 79–89.
- Храковский 1999а — В. С. Храковский. Универсальные уступительные конструкции. *Вопросы языкознания*. № 1, с. 103–122.
- Храковский 1999б — В. С. Храковский. Уступительные конструкции с союзом *хотя*. *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия II. Прагматический аспект исследования языка*. Тарту, с. 245–254.

- Храковский 2000 — В. С. Храковский. Опыт анализа универсальных уступительных конструкций. *Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании*. Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб., с. 135–163.
- Храковский 2004 — В. С. Храковский. Введение. Уступительные конструкции: семантика, синтактика, синтаксис. *Типология уступительных конструкций*. СПб., с. 3–91.
- Черемисина, Колосова 1987 — М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. *Очерки по теории сложного предложения*. Новосибирск.
- Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. М.
- Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). *Русская грамматика*. Т. 2. Синтаксис. М.
- Шелякин 2001 — М. А. Шелякин. *Функциональная грамматика русского языка*. М.
- Шелякин 2002 — М. А. Шелякин. *Язык и человек*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия VII. Тарту.
- Шмелев 1960 — Н. Д. Шмелев. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке. *Вопросы языкознания*. № 5.
- Щерба 1974 — Л. В. Щерба. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.
- Ярцева 1981 — В. Н. Ярцева. *Контрастивная грамматика*. М.
- Chesterman 1998 — A. Chesterman. *A Contrastive Functional Analysis*. Amsterdam–Philadelphia.
- Croft 2003 — W. Croft. *Typology and Universals*. 2nd ed. Cambridge.
- Di Meola 1998a — C. Di Meola. Zur Definition einer logisch-semantischen Kategorie: Konzessivität als ‘versteckte Kausalität’. *Linguistische Berichte* 175, S. 329–349.
- EKG 1993 — M. Erelt, R. Kasik, H. Metslang, H. Rajandi, K. Ross, H. Saari, K. Tael, S. Vare. *Eesti keele grammatika I–II*. Tallinn.
- EKSS — *Eesti kirjakeele seletussõnaraamat* 1988–. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut.
- Fisiak 1990 — J. Fisiak On the present status of some metatheoretical and theoretical issues in contrastive linguistics. *Further Insights into Contrastive Analysis*. Ed. by Jacek Fisiak. (LLSEE, Vol. 30). Amsterdam–Philadelphia, pp. 3–22.
- Gladrow 1998 — W. Gladrow 1989. *Russisch im Spiegel des Deutschen. (Eine Einführung in den russisch-deutschen Sprachvergleich)*. Leipzig.
- Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive Conditionals in the Languages of Europe. — *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Eds Johan van der Auwera, Dónall P. O’Baioill. Berlin, New York, pp. 563–640.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva 2002. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge.
- Jevstratova jt 2004 — S. Jevstratova, K. Karu, I. Külmoja, O. Palikova, V. Štšadneva. TÜ vene keele õppetooli eesti-vene kontrastiiuuringutest. *Emakeelel ja teised keeled IV*. Tartu, lk. 34–46.
- Karelson 1978 — R. Karelson. Lisandusi eesti keele sidesõnade liigitusele. *Emakeele Seltsi Aastaraamat*. Kd. 24. Tallinn.
- Koks 2004 — H. Koks. Eesti kirjakeele mõõndtingimuslausest. *Keel ja kirjandus*. № 7.
- Koks 2006 — H. Koks. *Aja-, tingimus- ja mõõndkonstruktsioonid grammatisatsioonihelas eesti keele näitel*. Ettekanne „Muutuva keele ettekandepäeval” 3.11.2006, Tartus.

- Kortmann 1997 — B. Kortmann. Adverbial Subordination. A Typology and History of Adverbial Subordinators Based on European Languages. *Empirical Approaches to Language Typology* 18. Berlin, New York.
- Krzeszowski 1990 — T. P. Krzeszowski. *Contrasting Languages. The Scope of Contrastive Linguistics*. Berlin—New York.
- König 1986 — E. König. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization. *On conditionals*. Edited by Elizabeth Closs Traugott, Alice ter Meulen, Judy Sintzer Reilly, Charles A. Ferguson. Cambridge, pp. 229–246.
- König 1988 — E. König. Concessive Connevtives and Concessive Sentences: Cross-Linguistic Regularities and Pragmatic Principles. *Explaining Language Universals*. Edited by John A. Hawks. Oxford , pp. 145–166.
- König 1991 — E. König. Concessive Relations as the Dual of Causal Relations. *Semantic universals and Universal Semantics*. Ed. by D. Zafferer. Berlin—New York, pp. 190–209.
- König, Siemund 2000 — E. König, P. Siemund. Causal and concessive clauses: Formal and semantic relations. *Cause — Condition — Concession — Contrast. Cognitive and Discourse Perspectives*. Ed. By Elizabeth Couper-Kuhlen, Bernd Kortmann. Berlin—New York, pp. 341–360.
- Külmoja 2003 — I. Külmoja. Eesti ja vene keele kontrastiivsest uurimisest. *Emakeele Seltsi Aastaraamat*. Nr. 49. Tallinn.
- Langemets 2002 — M. Langemets. Tänapäeva eesti kirjakeele uurimine. *Leksikoloogia. Emakeele Seltsi Aastaraamat*. Nr. 48. Tallinn.
- Metslang jt 2003 — H. Metslang, I. Krall, R. Pajusalu, K. Saarsoo, E. Sõrmus, S. Vare. *Keelehärm. Eesti keele probleemseid piirkondi*. Tallinn.
- Mölder 1967 — A. Mölder. *Eesti ja vene keele kõrvutav grammatika*. Tallinn.
- Rannut 1978 — L. Rannut. Eesti keele mõõndlausest. *Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised* 27. Tallinn, № 1.
- Uuspõld 2001 — E. Uuspõld. *des-* ja *mata-*vormide kaassõnasutmine ja eesti komareeglid. *Keele kannul. Pühendusteos Mati Ereli 60. sünnipäevaks*. Tartu, lk. 306–321.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГЧ	— главная часть
ЗЧ	— зависимая часть
ОП	— осложненное предложение
СП	— сложное предложение
СПП	— сложноподчиненное предложение
ССП	— сложносочиненное предложение
УСК	— уступительная конструкция
УсК	— собственно уступительная / причинно-уступительная конструкция
УУК	— условно-уступительная конструкция
ФСП	— функционально-семантическое поле

KOKKUVÕTE

Mööndkonstruktsioonid eesti ja vene keeles

Käesolevas töös on uuritud eesti ja vene keele mööndkonstruktsioone. Uurimuse eesmärgiks oli põhiliste mööndust väljendavate konstruktsioonide väljaselgitamine eesti keeles ning nende funktsionaalsete vastete leidmine vene keeles. Selleks oli tarvis lahendada järgmised ülesanded: 1) tuli määratleda mööndkonstruktsioonide definitsioon; 2) oli vaja analüüsida „Eesti keele grammatikas” leiduvat mööndlauset liigitust ning vajadusel seda täpsustada; 3) analüüsida rassistikas käibel olevaid möönduse definitsioone ja liigitusi ning 4) võtta kasutusele klassifikatsioon, mis vastaks eristruktuursete keelte kõrvutava uurimuse nõuetele ning töös järgitavale onomasioloogilisele lähenemisuunale.

Nimetatud eesmärkide realiseerimiseks tuli välja selgitada kesksed, prototüüpsed ning perifeersed, mitteprototüüpsed mööndkonstruktsioonid eesti keeles. Et igas mööndkonstruktsioonis on omavahel seotud kaks olukorda, siis oli loogiline oletada, et prototüüpne mööndkonstruktsioon on põimlause, mille kõrvallause juhatab sisse möönev sidend. Sellest oletusest tulenesid järgmised ülesanded: välja selgitada pea- ja kõrvallause vastastikuse paiknemise võimalused mööndkonstruktsiooni piires, leida finiiitverbi ajavormide võimalikud ja keelatud kombinatsioonid, uurida taksise väljendamist mööndkonstruktsioonis ning uurida osalause järjestusest tulenevat kontsessiivkonstruktsiooni pragmaatilist intensiivsust. Lisaks tuli välja selgitada, millised sidendid funktsioneerivad eesti keele mööndkonstruktsioonides. Samuti oli oluline uurida, millised semantilised mööndkonstruktsioonide tüübid on eesti keele jaoks relevantset, välja selgitada nende formaalsed tunnused ning kõrvutada vene keeles leiduvate mööndkonstruktsioonidega.

Mööndkonstruktsiooni saab määratleda järgmiselt: ‘On olemas olukord P ning sellega seotud olukord Q; kõneleja teab või arvab, et normaalselt P-tüüpi olukorra eksisteerimine takistab Q-tüüpi olukorra eksisteerimist ning nad ei tohiks esineda samaaegselt’. Kuna mööndkonstruktsiooni definitsioonis ei ole määratletud selle süntaktiline representatsioon, tuli välja selgitada, millised lausetüübid võivad eesti keeles väljendada mööndust ning kõrvutada neid vene keelele omaste lausetüüpidega.

Materjali esmane analüüs andis alust oletuseks, et eesti keeles leidub lisaks mööndlausetele ka mööndtingimuslauseid ning generaliseeritud ehk universaalsetid mööndlauseid. Nende semantiliste tüüpide formaalse eripära väljaselgitamine kuulus samuti töö eesmärkide hulka. Keeletüpoloogiast on teada, et enamasti vormistatakse mööndust ja mööndtingimust keeltes erinevalt. Seega oletasime, et nõnda on see ka eesti keeles.

Mööndkonstruktsioonid on olnud mitmete keeueuringute objektiks. Käesolevasse töösse on koondatud uurimuste tulemused, mis on esitatud eri ajal kirjutatud artiklites. Vene keeleteaduses on mööndlauseid uuritud küllaltki palju, mõned möönva tähendusega sõnad ja lausekonstruktsioonid on kirjeldatud väga üksikasjaliselt ja põhjalikult, eesti keeles seevastu on seni möönduse väljendamisele pööratud tunduvalt vähem tähelepanu. Viimane asjaolu tingiski seiga, et enamuses töös esitatud artiklites on lähtekeeleks valitud eesti keel.

Antud uurimisel on kaks **rõhuasetust**: esiteks on uuritud eesti keele kontsessiivkonstruktsioone, sest nende süsteemset käsitlust ei olnud seni olemas, teiseks on keskendutud eesti ja vene keele kontsessiivkonstruktsioonide kõrvutamisele. Sellisest lähenemisest on tingitud ka **töö struktuur**.

Teooriaosas tehakse ülevaade kontsessiivkonstruktsioonide ja möönva tähendusega sõnade uurimistest, mis on olemas tänapäeva keeleteaduses, vaadeldakse kontsessiivse ja adversatiivse tähenduse ühisjooni ja erinevusi, analüüsitakse keelte kõrvutavaid uurimusi, peatutakse lühidalt eesti ja vene keele kontrastiivuuringutel ning antakse ülevaade väitekirja teise osa moodustavate artiklite peamistest uurimistulemustest. Teooriaosa lõpus antakse selles kasutatud kirjanduse nimekiri.

Töö **põhiosa** juhatab sisse kollektiivmonograafia peatükk, milles on kirjeldatud eesti keele kontsessiivkonstruktsioone. See on kirjutatud koostöös I. Külmojaga, kellele kuulub peatüki sissejuhatav osa, milles iseloomustatakse eesti keele grammatilist süsteemi. Järgneb artikkel, milles püütakse leida vastust küsimusele kui palju on eesti keeles möönvaid sidendeid, seejärel prototüüpseid ja mitteprototüüpseid mööndkonstruktsioone käsitlevad kõrvutavad uurimused. Kirjeldatud on peamisi kontsessiivsuse väljendamisega seotud probleeme, mõned perifeersed konstruktsioonid on antud uurimuse raamest välja jäetud. Põgusalt on käsitletud ka generaliseeritud mööndkonstruktsioone, kuiivõrd nad moodustavad nii vormiliselt kui ka semantiliselt rühma, mille üksikasjalik analüüs võiks olla eraldi uurimuse teemaks. Töö lõpus paikneb kogu väitekirjas kasutatud kirjanduse nimekiri. Sellise nimekirja koostamise vajaduse tingis asjaolu, et kollektiivmonograafia peatükk, mis juhatab sisse väitekirja põhiosa, ei ole kirjanduse nimekirjaga varustatud, kuna monograafial on ühine bibliograafia. Seetõttu tuli, arvestamaks kõiki dissertatsioonis kasutatud allikaid, koostada nende täiendav nimistu.

Töö **materjalina** on kasutatud ilukirjanduslikke ja publitsistlikke tekste, autori tehtud suulise kõne ülestähendusi, sõnaraamatute näiteid. Mõned näited on võetud teistest keeleteaduslikest töödest, mis on igal konkreetsel juhul varustatud viitega algallikale.

Kontsessiivkonstruktsioonid kujutavad endast nn implikatiivkonstruktsioone, mida uuritakse aktiivselt nii rassistikas kui ka Lääne keeleteaduses. V. Podlesskaja määratleb implikatiivkonstruktsiooni järgmiselt: „implikatiivkonstruktsioonides kajastatakse kahte olukorda nii, et ühe olukorraga kaasneb teine või nii, et üks olukord viib teiseni”. Seega võib öelda, et implikatiivkonstruktsioonide hulka kuulub terve rida bipredikatiivseid konstruktsioone, muuhulgas

selliseid, mida russistikas on nimetatud determineeritussuhteid (отношения обусловленности) väljendavateks. Viimaste hulka kuuluvad lisaks mõõndkonstruktsioonidele veel põhjust, tagajärge, tingimust ja otstarvet väljendavad laused. Põhjus- ja tingimuslausetega on kontsessiivkonstruktsioonid seotud nii semantiliselt kui ka derivatiivselt.

V. Hrakovski, vaadeldes mõõndlausete kohta implikatiivkonstruktsioonide süsteemis, räägib muuhulgas maailma struktuuri üldistest põhimõtetest, mis peegeldavad maailma tajumist inimese poolt. Vastavalt nendele põhimõtetele hindab kõneleja erinevate olukordade arengut, koosinemist ning ühtede olukordade asendumist teistega kui seaduspärast, sündmuste „loomulikku” käiku kajastavat või kui ebaseaduspärast, sündmuste „ebaloomulikku” käiku kajastavat. Viimane on tingitud mingisugustest põhjustest, mis takistavad „sündmuste loomulikku kulgu”. Ettekujutused nii normaalsest kui ka ebanormaalsest sündmuse kulgemisest on kinnistunud keeles, mis on „häälestunud” vastuvõtvale subjektile. Need ettekujutused on jälgitavad kõikides maailma keeltes ja neid peegeldavad teatud süntaktilised konstruktsioonid. Implikatiivkonstruktsioonide süsteemis tähistavad sündmuste loomulikku kulgu põhjus- ja tingimuslaused, ebaloomulikku — mõõndlaused ja mõõndtingimuslaused.

Mõõndlausete diakrooniline analüüs näitab, et need tekivad keelde suhteliselt hilja. Arvatakse, et vene keeles kujunesid nad lõplikult välja XIX saj algupooleks. Samuti on teada, et mõõndlaused tekivad pärast tingimuslausete väljakujunemist. E. König vaatleb ühes oma töödest mõõnvate sidendite kujunemist põhjus- ja tingimussidenditest ning ka vastavat sünkroonset polüseemiat.

Tänapäeva keeleteaduses on kaks valdavat arvamust selle kohta, kas kontsessiivsuse aluseks on tingimus- või põhjussuhted. Sellised autorid nagu E. König, P. Siemund, C. Di Meola, M. Ljapon, R. Teremova peavad kontsessiivset semantikat põhjuslikust tulenevaks. V. Apresjan ja J. Urõson on arvamusel, et mõõndus on tuletatav tingimusest. Väitekirjas on analüüsitud neid vaatekohti ning jõutud järeldusele, et süntaksi valdkonnas on otstarbekas järgida V. Hrakovski klassifikatsiooni, mille kohaselt mõõndtingimuslaused on seotud tingimuslausete ja mõõndlaused põhjuslausetega. Seega on lähtutud eeldusest, et mõõnduse kontsept on liigimõiste, mis realiseerub kontseptides ‘põhjuslik mõõndus’ ja ‘tingimuslik mõõndus’, viimasel on omakorda kaks teisendit: potentsiaalne ja irreaalne tingimuslik mõõndus.

Kontsessiivsuse ja adversatiivsuse vahelistele seostele on tähelepanu pööranud mitmed uurijad. V. Hrakovski on väitnud, et nendevahelised erinevused on peaaegjalikult kommunikatiivsed. V. Sannikov, M. Ljapon ja A. Maltšukov on arvamusel, et adversatiivsuse ja kontsessiivsuse vaheline erinevus on eelkõige semantiline: mõõndus on vastandusest kitsama tähendusega. Sellest annab muuhulgas tunnistust asjaolu, et mõõnev sidend on alati asendatav adversatiivsega, vastupidine asendus ei ole kaugeltki alati võimalik.

Eraldi alapeatükk on pühendatud J. Pappiniemi töö analüüsile, milles on uuritud võrdlevalt kontsessiivkonstruktsioone vene ja soome keeles. Nimetatud uurimuses rakendatakse järjepidevalt A. Mustajoki funktsionaalse süntaksi

kontseptsiooni ning demonstreeritakse selle kasutatavust erinevaid keeli kõrvutava lähenemise puhul. Kuigi J. Pappiniemi mõõndlausetega liigitus vajaks mõningaid täiendusi ja täpsustusi, on tegemist olulise tööga, sest mõõndlausetega võrdlevaid uurimusi, kus lähtekeeleks oleks vene keel, ei ole meie andmetel rohkem tehtud.

Järnevalt peatume antud töö **uurimistulemustel**.

Väitekirja eesmärkide hulka kuulus peamiste mõõndlausetega väljendavate lausekonstruktsioonide väljaselgitamine eesti keeles ning nende funktsionaalsete ekvivalentide leidmine vene keeles. Klassifikatsioon, millele tuginedes saab võrrelda kahes mittesugulaskeeles esinevaid süntaktilisi konstruktsioone, peab põhinema semantilisel alusel. Seda põhimõtet on rangelt järgitud. Töös on analüüsitud eesti ja vene mõõndkonstruktsioone ning jõutud järeldusele nende tähendustüüpide kokkulangevusest.

Eesti keele jaoks on relevantne mõõndkonstruktsioonide jaotamine mõõndavateks, tingimuslikeks — mis sarnaselt tingimuslausetele võivad olla potentsiaalsed või irrealsed — ja generaliseerituteks, viimased omakorda jaotuvad iteratiivseteks ning tegevuse intensiivsust või tunnuse kõrget määra väljendavateks.

Kontsessiivkonstruktsioonide keskmes on sidendi *kuigi* abil vormistatud põimlaused, mida võib pidada prototüüpseteks. On välja selgitatud finitverbi ajavormide võimalikud ja keelatud kombinatsioonid pea- ja kõrvallauses. Ilmnes, et eesti keele jaoks on iseloomulik sama ajavormi kasutamine mõlemas osalauses, erinevate ajavormide kasutus on marginaalne. Selgitati välja, et neljast potentsiaalselt võimalikust osalausetest vastastikuse paiknemise variandist realiseeruvad kolm: kõrvallause võib olla pealause suhtes ees- või järelausendis või kiiluda pealausele. Viimane variant on pragmaatilisel kõige nõrgem, sest sellise asetuse korral omandab mõõndlus lisainformatsiooni tähenduse, pealause väljendatu kerkib esiplaanile ning on nii semantilisel kui ka pragmaatilisel olulisem. Mõõndkonstruktsiooni pragmaatiline potentsiaal on seda tugevam, mida varem esineb selles „mõõndsõna” — element, mis viitab sündmuste koosinemise paradoksaalsusele.

Töös on välja selgitatud lausetüübid, milles väljendatakse mõõndlausetähendust. Ilmnes, et mõõndlausetähendust väljendatakse (1) põim-, (2) rind-, (3) lauselühendiga ja (4) lihtlauses ning (5) lausete järjendis.

(1) *Kuigi tähed ise olid täiesti tundmatud, mõistis võlur kirja.*

(2) *Ta töötas püüdliselt, kuid / ja ometi ei suutnud ta plaani täita.*

(3) *Hirmutavat sõnumit kuuldes, läksid nad siiski edasi.*

(4) *Õhtul laagrisse jõudes olid mehed väsimusest hoolimata elevil.*

(5) *Vana Räägu Rein ei käinud tõesti mitte kunagi mõisas vargil. Küll ei pannud ta kätt ette, kui mõni läks moonatretile mõne naabri aita või sahvrisse.*

Mõõndtingimuslauseid on nii eesti kui ka vene keeles esindatud vaid põimlausetena, milles funktsioneerib piiratud hulk sidendeid: eesti keeles *isegi* (*siis*) *kui*, vene keeles — *даже если*. Seega leidis kinnitust oletus, et mõõndust ja mõõndtingimust väljendatakse nii eesti kui ka vene keeles erinevate vahendite

abil ning süntaktiliste struktuuride hulk, milles representeeritakse mööndtingimust, on piiratud võrreldes mööndust väljendavatega. Mööndtingimuslausele on sarnaselt mööndlausele omane finiiitverbi ajavormide kokkulangevus mõlemas osalauses. Markeeritaks osutus irreaalsete mööndtingimuslauste tüüp — nendes funktsioneerivad finiiitverbid tingivas kõneviisis.

Generaliseeritud mööndkonstruktsioonides kasutatakse spetsiifilisi keelen-deid, mis ei ole iseloomulikud teistele mööndkonstruktsioonide tüüpidele. Ka generaliseeritud kontsessiivkonstruktsioone vormistatakse vaid liitlausete abil. „Eesti keele grammatikas” liigitatakse generaliseeritud mööndkonstruktsioonid *olenemata*-tüübi alla [EKG II, 1993: 309–310]. Sidendi funktsiooni täidab küsi-partikkel *kas*, mis üksi võib anda lausele mööndva tähenduse. Enamasti tekib mööndne sisu siiski küsipartikli *kas* ja sõna *ükskõik* või küsiv-siduvale asesõnale järgneva *tahes / iganes* koosmõjust. Semantilises plaanis ei ole generaliseeritud mööndkonstruktsioonid homogeenised, vaid jagunevad kahte rühma. Ühe moodustavad iteratiivsed mööndkonstruktsioonid: *Lõppegu asi kuidas tahes, halb mulje jääb ikkagi*. Teise rühma kuuluvad laused, milles väljendatakse tegevuse intensiivsust või tunnuse kõrget määra: *Ükskõik kuidas ma ka ei pingutaks, tööd ma valmis ei jõua*.

On välja selgitatud eesti keelele omased mööndvad sidendid. Arvatavasti võib rääkida sellest, et eesti keeles funktsioneerib teatud hulk „mööndva” tähendusega sõnu, mille erinevad kombinatsioonid moodustavad „uusi” mööndsideid.

Ilmnes, et nii eesti kui ka vene keele jaoks on iseloomulik mööndva tähenduse rõhutamine, mida saavutatakse „mööndsõnade” dubleerimise abil. Tekstides leidub hulgaliselt näiteid, kus ühe lause piires esineb mitu sõna, mis on tõlgendatavad mööndvatena. Taolise „dubleerimise” abil, ühest küljest, suurendatakse lause pragmaatilist intensiivsust, teisest küljest, minimeeritakse väärti mõistmise võimalust. Rõhutades mööndust, saavutab kõneleja adekvaatse arusaamise. Rõhutamine on seletatav asjaoluga, et möönduse puhul on tegemist normidele mittevastava sündmuste või olukordade koosinemisega. Igasugune normist kõrvalekaldumine nõuab alati rohkem kõnelejapoolset tähelepanu kui normile vastavus.

On uuritud möönduse väljendamise võimalust rindlauses. Ilmnes, et mõlemas keeles on samalaadne väljendusviis olemas. „Eesti keele grammatikas” eristatakse mööndva vastandusseosega lauseid [EKG II, 1993: 279]. Mööndne tähendus ilmneb selliste lausete puhul siis, kui teise osalausesse lülitatakse konnektiivpartikkel *siiski, ometi(gi), ikka(gi), sellegipoolest* vmt. Sellisel juhul võib adversatiivse sidendi asendada üldühendavaga, lause üldine tähendus sellest ei muutu, vt näide (2). Viimane seik on tingitud asjaolust, et konnektiivpartikkel moodustab lause pragmaatilise tipu ega vaja adversatiivse sidendi tuge möönduse väljendamisel. Tuleb nentida, et konnektiivpartikkel on lülitatav vaid sellisesse lausesse, millel on iseenesest (potentsiaalselt) mööndne tähendus. Siinkohal väärib äramärkimist A. Maltšukovi seisukoht, et mööndne semantika on laiema, adversatiivse semantika üks alaliike.

Eraldi vaadeldakse lauseid, mille esimeses osalauses esineb partikkel *küll*, teises osalauses vastandav sidend: *Poiss oli küll seda raamatut lugenud, kuid ei mäletanud sellest suurt midagi*. Selliseid lauseid ei ole eesti keeles varem mõõnvatena käsitletud. On näidatud, et need väljendavad kontsessiivsust. Seda tüüpi lauses ei ole adversatiivne sidend üldühendavaga asendatav. Tehakse järeldus, et *küll...kuid* ei ole partikli ja sidendi vaba ühend, vaid iseseisev mõõndsidesõna.

On kirjeldatud vene konstruktsioone ühesõnalise sidendiga *хотя* ja kaheosalise sidendiga *хотя...но* ning nende eesti vasteid. Esimesel juhul leidis mitmeid nii ühe- kui kaheõnalisi, teisel vaid kaheõnalisi vasteid. Sidesõna *хотя* on neutraalne ja enim levinud mõõndsidesõna vene keeles. Võib oletada, et sellest ongi tingitud eesti vastete rohkus.

Detailsemalt on analüüsitud mõõnvaid lihtlauseid sõnaga *kiuste*. On välja selgitatud, et sõnal *kiuste* võib olla nii kontsessiivne kui ka mittekontsessiivne tähendus. Viimane realiseerub juhtudel, kui *kiuste* esineb adverbina, sest adverbil *kiuste* on kavatsusliku, sihipärase tegevuse tähendus. Mittekontsessiivsed *kiuste*-lauseid on tõlgendatavad otstarbelausetena: *Kiuste astuti keelust üle*. Kaassõnal *kiuste* esineb kontsessiivne tähendus: *Raskete aegade kiuete säälis rahvas elutahe*. On välja selgitatud nii adverbil kui ka kaassõna *kiuste* venekeelsed vasted.

On välja pakutud mõõndussuhete spetsiifika täpsustus determineeritussuhete funktsionaalsemantilises väljas. Põhjus-, tingimus- ja mõõndussuhteid väljendavate lausete analüüsist lähtuvalt on jõutud järeldusele, et mõõndus on kõige subjektiivsem determineeritussuhete alaliik. Kontsessiivkonstruktsiooni raames ei ühendata kahte sündmust, mille toimumine ei ole kõneleja poolt kontrollitav. Vrd:

(6) Põhjuslause. *Nädalavahetusel istusime toas, sest oli külm ja rõske ilm.*

(7) Tingimuslause. *Kui nädalavahetusel tuleb külm ja rõske ilm, jääme tuppa.*

(8) Mõõndlause. *Kuigi nädalavahetusel oli külm ja rõske ilm, käisime õues.*

Kõigis näidetes on kõneleja sidunud omavahel kaks sündmust: nädalavahetuse külma ja rõske ilma ning selle poolt determineeritud tuppa jäämise või mitteootuspärase õue mineku. Põhjus- ja tingimuslauseis on tegemist kõneleja meelest ootuspärase olukordadega: viletsa ilma puhul jäädakse tuppa. Mõõndlauseis väljendatakse „anomaalset” situatsiooni, kus kehv ilm ei ole tuppa jäämiseks piisav põhjus. Oluline on kõigil vaadeldud juhtudel see, et kõneleja kontrollib olukorda, ehk teisisõnu: tuppa jäämine või õue minek on tema otsustada. Vrd:

(9) *Lombid on jäätunud, sest öösel langes õhutemperatuur alla nulli.*

(10) *Kui öösel langeb õhutemperatuur alla nulli, lombid jäätuvad.*

(11) *Kuigi öösel langes õhutemperatuur alla nulli, ei ole lombid jäätunud.*

Näited (9)–(11) erinevad näidetest (6)–(8) selle poolest, et ei õhutemperatuuri alanemist ega ka sellest põhjustatud lompide jäätumist kõneleja ei kontrolli. Miks on siis võimalik lause (11)? Siin on tegemist olukorraga, mil

mingisugune osa infost on nõ „kaadritagune”, sellest ei ole otsesõnu räägitud, kuid kõnelejale on teada, et eksisteerivad mingisugused põhjused, mis takistasid lompide jäätumist vaatamata õhutemperatuuri langemisele. Millised need põhjused on, võib ainult oletada. Võib-olla puistati öösel linna tänavatele jäätumisevastast segu. Kui see on nii, siis antud juhul on siiski tegemist olukorraga, mida ei kontrolli kõneleja, küll aga teised inimesed, seega olukord kui selline on siiski kontrollitav. Vahemärkusena tuleks lisada, et „kaadritagune” info ei ole mõõndkonstruktsioonide puhul sugugi haruldane. Vrd nt kontsessiivkonstruktsioonid sõnaga *isegi*: *Isegi Mari jäi tulemata*. Nemaadki eeldavad presumptiooni olemasolu. Nii kõneleja kui kuulaja teavad, et Mari tulemata jäämine on erakordne sündmus, mis on vastuolus tema normaalse käitumisega.

Ent on olemas ka selliseid olukordi ja sündmusi, mida ei saa kontrollida ei kõneleja ega teised inimesed. Nende ühendamine mõõndlauseesse tundub võimatu. Vrd:

(12) *Ööpäeva pikkus on 24 tundi, sest selle ajaga teeb Maa pöörde ümber oma telje.*

Viimane näide ei ole mõõndlauseks transformeeritav, siin saame kõneleda vaid põhjus-tagajärje suhtest.

Väitekirjas on täpsustatud mõõndkonstruktsioonide semantikat ja nende kohta determineeritussuhete funktsionaalsemantilises väljas. On esitatud seni puudunud eesti ja vene keele mõõndkonstruktsioonide kõrvutatav uurimus ning süsteemselt kirjeldatud eesti keele kontsessiivkonstruktsioone ja välja selgitatud nende funktsionaalsed ekvivalendid vene keeles. On välja töötatud eesti keele mõõndkonstruktsioonide semantiline klassifikatsioon ning välja selgitatud lausetüübid, milles on võimalik kontsessiivsuse väljendamine, sealhulgas on täpsustatud eesti keelele omaste mõõnvate konnektorite nimistut.

Töö tulemusi saab kasutada eesti ja vene keele süntaksi onomasioloogilisel kirjeldamisel ning eesti ja vene keele võõrkeelena õpetamise praktikas.

ЧАСТЬ II

ПУБЛИКАЦИИ, ВКЛЮЧЕННЫЕ В ДИССЕРТАЦИЮ